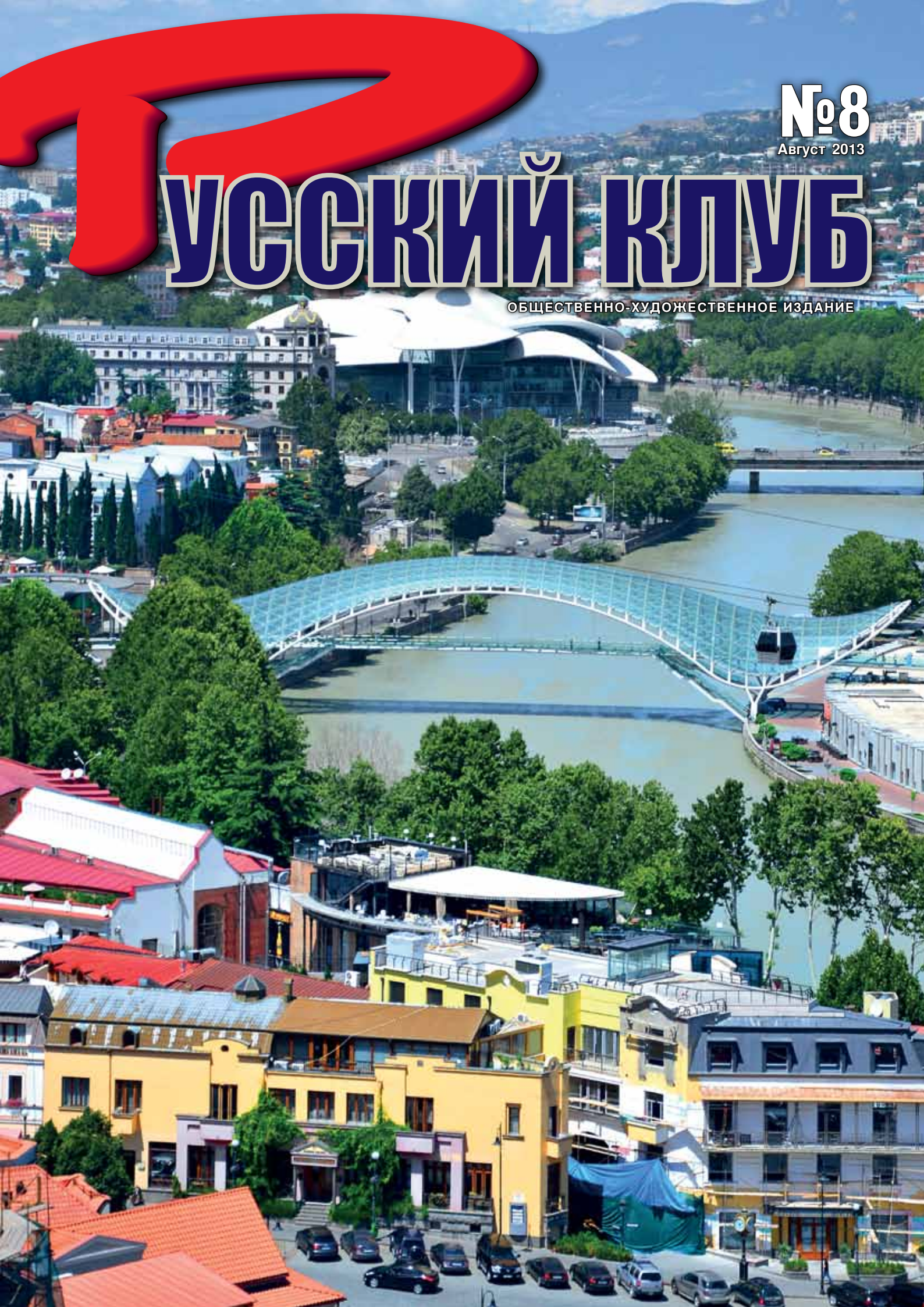

№8

Август 2013

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБ
УТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДЗЕ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Гулбат ТОРАДЗЕ
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№8⁽⁹⁴⁾
Август 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВО ВЕСЬ ГОЛОС
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 11 РАЗГОВОРЫ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ
НИНА ШАДУРИ
- 15 СТИХОТВОРЕНИЯ
СВЕТЛА ГЕОРГИЕВА
- 16 ПОД БАГДАДСКИМИ НЕБЕСАМИ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 18 ЗОВ ДНЯ УШЕДШЕГО И ДНЯ ГРЯДУЩЕГО
БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ
- 22 НЕРАЗОРЕННЫЙ ДОМ ПОЭЗИИ
ЕЛЕНА СКУЛЬСКАЯ
- 24 ТАНК НА КОВРЕ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 28 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 ПУТЬ В НАУКЕ И РЕЛИГИИ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 36 ВСПОМИНАЮ КАК ЖИВОГО
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 40 ИСКУССТВО БЫТЬ ИСКУССТВОВЕДОМ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ
- 44 В ГОСТЯХ У ЛЕТА
АЛЕНА ДЕНЯГА
- 46 ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ НРАВЫ
ИРИНА ДЗУЦОВА
- 51 СТИХОТВОРЕНИЯ
ЮРИЙ СВЕТЛЫЙ
- 52 СТРОГАЯ ЧИСТОТА СТИЛЯ
НИНО ЦИТЛАНАДЗЕ
- 54 НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ТВОРЧЕСТВА
ВИЛЛИ САРКИСЯН

На обложке – Уголок Старого Тбилиси.
Фото Александра Сватикова

ОТ ДО

ГОРДОСТЬ ПРАЗДНИЧНОГО СТОЛА

345 лет назад прекрасным августовским днем в трапезной скромного сельского монастыря в самом сердце провинции Шампань произошло знаменательное событие. В этот день впервые была почата бутылка игристого шампанского вина. Эконом аббатства Овилле по имени Пьер Периньон выкатил к праздничному ужину дюжину бутылок вина собственного производства.

Монахи всегда выращивали виноград – вино было необходимо для причастия. Но его охотно покупали и миряне, жившие по соседству – продукты из монастыря всегда отличались высоким качеством. К тому же, вино на продажу приносило неплохие барыши и поддерживало монастырское хозяйство. Дом Периньон, по преданию, не только первым изготовил игристое вино, но и разработал дошедшую до наших дней форму бутылки, первым использовал затычку из коры пробкового дерева, открыл секрет купажирования вина. Его нововведения позволили сохранять газ в шампанском, что было невозможно при хранении в бочке. В дальнейшем опытным путем в процесс изготовления шампанского было внесено немало изменений: придумали проволочку, чтобы не вылетала пробка,

для бутылки выбрали темный цвет стекла, а вино стало только белым и лишь изредка розовым. А еще оно перестало быть сладким – теперь, согласно первому правилу виноделов «Чем суше, тем лучше», ценится только брют.

Но на самом деле, подобное вино существовало задолго до эконома бенедиктинского монастыря, еще со Средневековья. А первое игристое вино за 150 лет до этого разливали на продажу на юге Франции, в Лангедоке. Но днем рождения шампанского, несмотря на это, считается именно 4 августа 1668 года. И сейчас никто уже не представляет новогоднего праздника или торжественного застолья без «пробки в потолок».

ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Жили-были в шестнадцатом веке бесстрашные английские пираты. Десятки лет они грабили и топили испанские корабли. На это королева Англии Елизавета I, не любившая Испанию, закрывала глаза. Эта мировая держава была конкурентом и непримиримой противницей молодой Британской империи. К тому же ее монарх Филипп II – ярый католик – считал своим долгом помочь английским единоверцам в их борьбе с протестантами.

До Елизаветы доходили слухи о том, что испанский король строит против нее небывалую флотилию, которую заочно назвали Непобедимой Армадой. Она должна была войти в пролив Ла-Манш и взять на борт 30-тысячную армию герцога Пармского. Эти объединенные силы предполагалось высадить в графстве Эссекс и двинуть на Лондон. Филипп II рассчитывал, что английские католики станут «пятой колонной» и перейдут на его сторону. Но он не учел ряда важнейших обстоятельств – мелководья, не позволившего погрузить на корабли сухопутный десант, августовских штормов и храбрости английских моряков.

Да и сама Непобедимая Армада была чудовищным скопищем огром-

ных, до зубов вооруженных, не слишком маневренных кораблей, под командованием солидных, гордых и, как правило, немолодых сеньоров. Английские же корабли, напротив, были небольшими, быстрыми и верткими, а командовали ими самые настоящие флибустьеры, типа знаменитого Френсиса Дрейка – закаленные в рискованных заморских рейдах отважные молодые наглецы, не признающие никаких авторитетов. В итоге, они истрепали партизанскими наскоками своих знатных и утонченных противников, внесли сумятицу в их боевые порядки и в нужный момент попрытались в бухтах. А Непобедимая Армада осталась в непогоду посреди Ла-Манша и почти была потоплена жесточайшим штормом.

Это была великая победа. И 8 августа 1588 года вошло в историю, как конец эры мировой испанской гегемонии и начала британского владычества. Звонили колокола, гремели салюты, англичане ликовали и кричали: «Правь, Британия, морями!»

За свой подвиг предводитель британцев – храбрый и удачливый бывший пират был возведен в рыцарское достоинство. Так его в дальнейшем и называли – сэр Френсис Дрейк. А еще, по слухам, он удостоился любви самой королевы, именовавшейся современниками девственницей только из вежливости.

ХРАБРЫЙ РОЛАНД

Жизнь доказала, что в основе древних былин и эпосов всегда лежат реальные люди и действительно имевшие место события. В русском «Слове о полку Игореве» рассказывается о неудачном походе русского князя, в киргизском «Манасе» – о храбром и благородном богатыре, и даже события гомеровской «Илиады» усилиями Генриха Шлимана были признаны реальными. Так и с европейской «Песнью о Роланде». В ней рассказывается о нападении врагов на арьергард армии Карла Великого, возвращающейся в Европу с Пиренеев. Во главе перебитого отряда шел храбрый Роланд. В осно-

ве этого эпоса тоже лежит подлинная история.

Сведений о рождении Роланда не сохранилось. Единственное достоверное упоминание о нем можно найти в хрониках царствования Карла Великого. Там говорится о близком родственнике императора — Хруодланде, маркграфе Бретонской марки, погибшем 15 августа 778 года в Ронсевальском ущелье от рук басков. Его отряд, прикрывающий отход императорской армии, попал в засаду и был перебит полчищами врагов в неравной битве. В эпосе Роланд предстает образом христианского рыцарства — верный долгу, бесстрашный в сражении, твердый перед лицом смерти. Он очень долго отказывает своему другу Оливье, предлагающему протрубить в рог и вызвать подмогу. Лишь будучи смертельно раненым, он трубит, и Карлу, вернувшемуся на зов со своим воинством, остается только мстить за его гибель. Правда, в эпосе несколько искажен образ врага — вместо басков там упоминаются традиционные враги — сарацины. Неизвестно, что понадобилось баскам от хорошо вооруженных рыцарей — скорее всего, просто польстились на военную добычу в обозе. Ронсевальское ущелье и по сей день привлекает туристов, хотя никаких следов сражения там, конечно, не сохранилось. И только во французском пограничном городе Рокамадур в скале виднеется железный обломок легендарного меча Дюрандаль, принадлежавшего Роланду — многие доверчивые люди в это верят.

РАБА ЛЮБВИ

В августе исполняется 120 лет со дня рождения королевы немого кино, прекрасной Веры Васильевны Холодной. Она прожила всего 25 лет, снялась то ли в 50, то ли в 70 картинах, большинство из которых не сохранилось. Родилась она в Полтаве, и ее девичья фамилия была Левченко. Скорее всего, ее артистический талант не был выдающимся, так как она не преуспела ни в одной театральной труппе. Но в кино Вера Холодная вошла удивительно органично, создав образ чистой, печальной, одухотворенной красавицы. Публика была влюблена в нее, это было похоже на религиозный экстаз. Одно ее изображение на экране вызывало овации, а уж что творилось во время творческих встреч — просто не описать. Конная полиция окружала подступы к залам, где она должна была появиться. Преклонение перед кинозвездой превратилось в манию,

а она, сыгравшая столько ролей несчастных, брошенных возлюбленных, была приятным и милым человеком, верной женой и заботливой матерью. Во время Первой мировой войны Вера Холодная много выступала на эстраде, в том числе и с молодым Вертинским. А когда началась гражданская, она покинула голодную Москву и уехала с кинотруппой на юг, в Одессу. Она была национальной героиней по обе стороны линии фронта. В самом начале 1919 года она внезапно умерла в Одессе от «испанки». Ее провожал в последний путь весь город, в этот день не работал ни один театр.

Но существует и неофициальная версия ее смерти — очень вероятно, что Вера Холодная стала жертвой контрразведки белых, о чем сохранились агентурные донесения. Вера Васильевна не скрывала своей симпатии к красным, а в Одессе, в то время оккупированной интервентами, находился французский воинский контингент, которым командовал влюбленный в нее генерал. Этот человек — начальник штаба союзных войск на юге России Анри Фрейденберг находился под абсолютным влиянием Веры Васильевны, выполняющая все ее прихоти. И, используя эту слабость французского начальника, большевистские разведчики, внедрившиеся в окружение кинодивы, попытались заставить его эвакуировать войска из Одессы. Самое удивительное, что в итоге им это пошло удалось. Но белые контрразведчики, пытаясь не допустить этого, попросту отравили «красную царовницу», о чем похвастались начальству в секретном рапорте.

Любопытно, что известная песня Александра Вертинского «Ваши пальцы пахнут ладаном», посвященная Вере Холодной, была написана еще при ее жизни, и, по воспоминаниям современников, очень ее напугала — она была суеверным человеком. О ее печальной судьбе в несколько опозитизированной форме рассказывает фильм Никиты Михалкова «Раба любви».

130 лет назад во французском городе Сомюр в одной бедной семье родилась девочка, которой дали имя Габриэль. Вскоре отец бросил ее мать с несколькими детьми на руках, и Габриэль отдали на воспитание в приют. Училась она в монастырской школе. Она была худенькой, хрупкой и слыла среди сверстниц искусной рукодельницей. Приютские воспитательницы часто использовали ее, когда надо было заштопать чью-то одежду или пришить пуговицу. За это ей иногда перепадала лишняя порция десерта. В старших классах она подрабатывала, изготавливая красивые шляпки для одноклассниц. А закончив школу, устроилась продавщицей в магазин готовой одежды, где, как и в приюте, занималась подгонкой платьев по фигуре. По вечерам она еще и пела в местном ресторанчике. Особенно трогательно у нее получалась песенка про бедного потерявшегося щенка. Кличка этого щенка на всю жизнь стала ее именем — Коко.

Имя Коко Шанель, маленькой девочки с золотыми руками, вскоре стало одним из самых знаменитых имен 20 века. Эта женщина обладала поистине гениальным вкусом и чутьем настоящего художника, полностью перевернув представления современников о женском гардеробе. Она избавила женщину от кринолинов, корсетов, длинных юбок, неудобной обуви, надела на женщин мужские брюки и придумала маленькое черное платье.

Она не была красавицей, но пользовалась неслыханным успехом у мужчин. В числе ее друзей и возлюбленных были художники, артисты, композиторы, аристократы, высокопоставленные политики и военные. Но она никогда не была ни у кого на содержании, поскольку была настоящей труженицей и создала собственными руками мощную державу стиля, процветающую и по сей день. А еще она создала прекрасные духи — «Chanel N5», выбрав их из целого ряда ароматов, специально для нее изготовленных выдающимся московским парфюмером Эрнестом Бо.

«У вас не будет второго шанса произвести первое впечатление», сказала как-то Шанель репортерам. Она была королевой этого самого первого шанса.

▲ Участники фестиваля в Пантеоне на Мтацминда

ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Географический размах VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля оказался небывалым в его пусть и недолгой, но яркой истории. Впрочем, век фестивалей имеет собственный отсчет, и фестиваль с шестилетним стажем можно назвать форумом зрелого возраста, ведь в наше время собирать десятки литераторов из десятков стран, превратить это в традицию, да еще в экономически далеко не безоблачной Грузии – деяние сродни подвигу. И этот подвиг оказался по плечу главным организаторам русско-грузинских поэтических форумов. Шутка ли, гостями фестиваля за прошедшие годы стали более 500 литераторов почти из 50 стран мира!

Этот ежегодный праздник подарили писательской братии со всех концов света и их грузинским коллегам Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Международная федерация русскоязычных писателей, при активном участии Союза писателей Грузии и служб культуры местных муниципалитетов. Как сказал президент МФРП Олег Воловик (Венгрия), по размаху, звездному составу, организации и резонансу, этот фестиваль не имеет аналогов в мире. И, конечно же, все эти дни звучали в разных городах слова благодарности в адрес Международного благотворительного фонда КАРТУ, при поддержке которого чудо праздника поэзии каждый год становится реальностью.

Программа фестиваля в основном была связана с двумя замечательными датами – 85-летием со дня рождения Нодара Думбадзе и 120-летием со дня рождения «лучшего, талантливейшего» нашего земляка – сына лесничего из селения Багдади, что под Кутаиси, могу-

чего реформатора поэтической линейности и эстетики Владимира Маяковского. Более 70 поэтов и прозаиков из 30 стран – «то вместе, то поврозь, а то попеременно» - разбиваясь на творческие группы, посетили Тбилиси, Рустави, Гори, Ахалкалаки, Марнеули, Поты, Чохатаури, Багдади, Кутаиси, Батуми, Кобулету, Хелвачаури, Кеда, Шуахеви, Мартвили... Встретились с общественностью и местными литераторами.

Обращаясь к участникам фестиваля, Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II в своем теплом, проникновенном приветствии отметил:

«Весьма отрадно, что фестиваль, который служит миру и укреплению духовных связей между нашими братскими народами, стал традиционным. Поэтические встречи на Грузинской земле – подтверждение того, что добро и дружба людей сильнее любой политической воли.

Большая поэзия не имеет границ. Она – надежный мост между странами. А писатели – не только творцы, но и миротворцы».

«Во весь голос» - такое название дали этому поэтическому форуму его организаторы. Неизменный организатор – вдохновитель русско-грузинских поэтических фестивалей на протяжении всех этих лет, президент МКПС Николай Свентицкий, пишет, обращаясь к его участникам: «Мы не случайно назвали нынешний фестиваль «Во весь голос». Само собой, это поклон нашему великому соотечественнику Владимиру Маяковскому, чье 120-летие со дня рождения мы празднуем в эти дни. Но еще эти слова означают, что мы будем общаться, читать стихи и пере-

воды друг друга, договариваться о новых встречах – во весь голос!»

«Нодар Думбадзе умел сиюминутное делать вневременным, и потому его произведения были некогда интересны нам, молодым, сегодня интересны нам, достигшим зрелости, и, я уверена, будут интересны нашим детям, внукам и правнукам. Нодар Думбадзе открыл великую истину: правда восторжествует рано или поздно, здесь, на земле, или в вечности.

И сегодня мы склоняем голову, воздавая дань памяти великому художнику слова, мыслителю-гуманисту, за этот закон вечности, за эту мудрость, дарованную нам в столь великолепном художественном обрамлении», - сказала на торжественной церемонии в Пантеоне на Мтацминда председатель Союза писателей Грузии Маквала Гонашвили.

Она вместе с дочерью Мастера, Мананой Думбадзе, возглавляющей Союз переводчиков Грузии, возложили венок к надгробью «солнечного прозаика».

Затем участники фестиваля переместились в Институт грузинской литературы имени Ш.Руставели, где состоялась научно-практическая конференция «Иверский свет. Русско-грузинские поэтические связи XX века». Вели ее директор ИГЛ Ирма Ратиани и главный редактор журнала «Знамя» Сергей Чупринин (Россия). На конференции была презентована книга профессора Натальи Орловской «Очерки по вопросам литературных связей». Наталья Константиновна, перешагнувшая девятый десяток лет, к восторгу аудитории, пожаловалась, что помнит теперь не всего «Евгения Онегина», а «всего лишь» с три четверти...

В трудах участников конференции, посвященной творческим и дружеским связям грузинских и российских литераторов, немалое место было отведено искусству поэтического перевода Бориса Пастернака и Николая Заболоцкого, прославивших грузинскую поэзию в многомиллионной русскоязычной читательской аудитории. Прозвучали доклады докторов филологических наук Зазы Абзианидзе, Татьяны Мегрелишвили, Ирины Модебадзе, Марии Филиной и Маки Элбакидзе.

А теперь пришло время увеличить скорость «колеса обозрения», иначе всех событий этого сложнейшего по структуре и насыщенности событиями фестиваля, нам не охватить.

▼ Наталья Орловская

▲ Сергей Чупринин и Ирма Ратиани

14 июля поэт и драматург, москвичка Елена Исаева провела памятный мастер-класс для участников тбилисского литературного объединения «Молот О.К.», возглавляемого Михаилом Ляшенко и Анной Шахназаровой.

А затем в Большом зале Государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова состоялась торжественная церемония открытия фестиваля, была представлена литературно-музыкальная композиция, которую вели Николай Свентицкий и актриса Людмила Артемова-Мгебришвили. Литературно-музыкальная композиция началась с показа документального фильма-хроники о пяти предыдущих поэтических фестивалях, в живом и замечательном вокальном сопровождении «Театрального квартета».

Стихотворно-ораторские приветствия открыли два выдающихся поэта – лауреат Государственной премии России, Пушкинской премии России, Национальной литературной премии «Поэт» Олег Чухонцев и лауреат Государственной премии имени Ш.Руставели, кавалер ордена Вахтанга Горгасали, почетный гражданин Тбилиси Джансуг Чарквиани.

Сценографию церемонии открытия условно можно было поделить на два отделения – посвящения Нодару Думбадзе и Владимиру Маяковскому. И в первом из них было показано слайд-шоу о Нодаре Думбадзе, включая редкие кадры из семейного архива. Затем артисты-грибоедовцы представили фрагмент из спектакля «Древо жизни», по мотивам произведений великого мастера, а потом состоялось торжественное награждение победителей и лауреатов конкурса детского рисунка «Я вижу солнце». Вернисаж конкурсантов зрители могли увидеть в фойе театра. К юбилею писателя «Русский клуб», помимо этого конкурса, к участию в котором допущено было 214 школьников, выпустил в свет красочный сборник Нодара Думбадзе «Стихи для детей».

Включаем в мозаику обзора «прямой репортаж» со сцены Грибоедовского театра.

Председатель жюри конкурса «Я вижу солнце» Манана Нодаровна Думбадзе:

- Прежде всего я хочу от всего сердца поблагодарить всех детей за то, что они читают прекрасные книги, думают над ними и рисуют замечательные картины.

Большое спасибо и взрослым за то, что ваши дети читают книги Нодара Думбадзе, которые учат их добру и любви.

Людмила Артемова-Мгебришвили:

Дорогие ребята, участие в выставке – это уже успех, потому что ваши работы прошли строгий отбор. И каждый из вас получит официально заверенный Диплом участника. Надеемся, что этот диплом станет одной из первых страниц в вашей творческой биографии.

Жюри пришлось очень трудно. Ведь на конкурс были представлены хорошие, очень хорошие и просто замечательные работы. Мы собирались несколько раз, чтобы определить лауреатов.

Николай Свентицкий:

Итак, я приглашаю на сцену лауреатов конкурса «Я вижу солнце»!

И вот, под бравурную музыку, на сцену выкатываются тележки с призами, а по ступенькам гуськом поднимаются счастливые лауреаты – тбилисцы, дманисцы, руставчане, дети из Абхазии... Организаторы на призы не поскупились – первых в жизни наград «Самому юному участнику конкурса» удостоились детсадовцы Тамар Хучуа, Николоз Цигриашвили и Лика Деметрашвили. Победителями в младшей, средней и старшей возрастных группах стали Кети Готуа, Кетеван Ломидзе и Иоанна Цулая. Специальный приз жюри получили Давид Инасаридзе, Екатерина Гейне-Швелидзе, Анано Чакаберия, Дима Турава, Хатия Закарая; специальными призами от семьи Думбадзе были награждены Фома Сухишвили, Натия Тепнадзе, Давид Чугошвили и Георгий Мартиашвили. А Гран-при конкурса – поездку по «Золотому кольцу России» получила Анано Бахтуридзе.

«Второе действие» церемонии прошло «под знаком Маяковского», в ознаменование 120-летия которого был выпущен сборник любовной поэзии – как бы в напоминание о том, что Маяковский был не столько «агитатором, горланом, главарем», как об этом раньше писали в советских учебниках, но – в первую очередь – великим лириком. Русским лириком, на всю жизнь сохранившим любовь к своей родине – Грузии, что нашло вечное подтверждение в его творчестве и, в частности, стихотворении «Владикавказ-Тифлис», прочитанном Ваню Курасбедиани.

Высоко оценили знатоки и любители литературы одухотворенный, выполненный на высоком техническом уровне перевод Нино Кокосадзе на грузинский язык – поэмы «Облако в штанах». Отрывок из этой поэмы, прочитанный Нино со сцены, имел заслуженный зрительский успех.

Не всем, наверное, известно, что в США живет родная дочь Владимира Маяковского, Патрисия Томпсон, которая была приглашена на фестиваль, да не отпустили эскулапы. Г-жа Томпсон обещала приехать на будущий год, а специально приехавшая из Вашингтона известная грузинская журналистка и режиссер Нана Гонгадзе презентовала на вечере в культурном центре Багдади свою документальную ленту «Дочь поэта». Фильм был снят также и в доме Патрисии Владимировны, куда она пригласила Нану погостить на несколько дней.

И вновь инициатива – в руках поэтов. Перефразируя «Осенний крик ястреба» Иосифа Бродского, время от

▲ Олег Чухонцев и Джансуг Чарквиани

времени невольно повторяю: «Эк куда их всех занесло!» - лауреата «Русской премии» и «Антибукера» Бахыга Кенжеева – в США-Канаду, другого обласканного премиями – Александра Радашкевича – в Париж, где было создано проникновенное посвящение безвременно ушедшему артисту, музыканту и поэту Нико Гомелаури, с которым Александр подружился на прошлых фестивалях...

А откуда столько креативной эмоциональности в посланице северных таллинских широт, еще одном лауреате «Русской премии» Елене Скульской?!

На собственный остроумный вопрос – что было раньше – стихи или проза, председатель Союза русскоязычных писателей Израила Давид Маркиш ответил слогом, а делом – на сцену выехала еще одна тележка с изданиями книг Маркиша в разных жанрах, которые по его желанию были переданы в дар Литературному музею. А на другой день Давида Маркиша принимали в Еврейском культурно-образовательном фонде.

Наши литераторы выступили вслед за гостями. Самые горячие аплодисменты последовали за мастерским спичем лауреата Государственной премии имени Ш.Руставели Лии Стуруа: «Целый год мы скучали друг без друга, хотя скучать по жизни не приходилось... Мы – не только поэты, мы сегодня еще и заговорщики против пустоты, против адаптированных текстов, глобального засилья электронных книг. Мы – радетели живой книги, со своим особым запахом старины, шуршащей пластикой обложек...

Поэты не должны собирать стадионы – это тоже перебор. Но поэты не должны быть и отбрасываемы на задворки с «диагнозом» - нерентабельно! Это – не только наша беда. Поэзию печатают крохоборскими дозами, и как тут не вспомнить хрестоматийное: «Я памятник воздвиг себе иной //К постыдному столетию – спиной». Нам нельзя заткнуть рот, потому что, если европейские поэты жили в относительном комфорте и переживали только личные трагедии, то мы, грузинские и русские поэты – потомки замученных, расстрелянных наших предшественников. И мы не будем молчать, ссылаясь на непопулярность и нерентабельность жанра... Мы будем солидарны, ведь зрительно поэзию можно представить как конус, в

основании которого национальное – язык, традиции, но вершина его сливается с небом, и объединяет всех и вся, ведь в конце концов побеждают «Полета вольное упорство, //И образ мира, в слове явленный, //И творчество, и чудотворство».

Пассажиры тбилисского метро также были причастны к празднику, с добрыми улыбками слушающая звучавшие в этот день по трансляции стихи Нодара Думбадзе.

Ближе к вечеру гость из Литвы, поэт, заслуженный деятель искусств РФ Юрий Кобрин подарил «Русскому клубу» - от художественного Фонда Воробьева – образ святого Георгия – работу лучших янтарных дел мастеров.

С утра второго дня, 15 июля начались «выездные сессии», и дело, что называется, «закипело».

В Тбилиси, в Большом зале Национальной парламентской библиотеки Грузии им. Ильи Чавчавадзе состоялась встреча с белорусской поэтессой Валентиной Поликиной «Еще горит судьбы свеча», организованная «Русским клубом» совместно с Союзом белорусских соотечественников в Грузии «Сябры». Под старинными сводами звучали тихие, но пронзительные лирические миниатюры в исполнении Валентины Поликиной и ведущего арти-

коления, я встретил только Джансуга Чарквиани и присутствующего в этом зале Реваза Мишвеладзе. Когда я впервые приезжал в Грузию на 800-летие Шота Руставели, мы были молоды, бурливы, мы бродили по пещерам Вардзия... И в Москве я дружил с грузинами – Элизбаром Ананишвили, Булатом Окуджава, моим соседом по даче в Переделкино... Сердцем я прикипел к грузинской культуре и литературе, но перевести успел лишь несколько стихотворений Мухрана Мачавариани, Отара Чиладзе... А вчера вот поклонился их могилам в Пантеоне на Мтацминда... Потому-то я и завидовал Арсению Тарковскому, который переводил грузин много и хорошо... Я радовался и за него, и за авторов – никогда ведь не знаешь, как будешь выглядеть в ином языковом обличье...

- Я счастлив, что рядом со мной братья по литературной крови – прекрасные российские поэты. Разве можно забыть, что большинство из нас вышло на орбиту известности «по российским каналам» - в Грузии и не помышляли ни о чем подобном, а в Москве уже вышел трехтомник моих сочинений, когда мне исполнилось всего-то 28 лет. Такое не забывается и не стирается из

анналов истории наших взаимоотношений, - сказал в своем приветственном слове лауреат премии имени Шота Руставели Реваз Мишвеладзе.

На всех программных собраниях, разделенных по разным тематическим и географическим векторам, побывать одному автору невозможно. Но литературный свет не без добрых людей, и они рассказали об успехе в фестивале-ресторации «Диван», где были презентованы сборник стихов «В пути» — совместный проект литературного объединения «Молот О.К.» и шведского общества «Встреча/Vstrecha», а также фестивальныи выпуск газеты ЛИТО «Молот О. К.». Вела вечер Римма Маркова (Швеция).

Параллельно в Потийском государственном драматическом театре был показан моноспектакль с Ириной Мегвинетухуцеси – «Желтый ангел», который грибоедовцы приурочили к 65-летию первого выступления Александра Вертинского

▲ На пресс-конференции в РИА Новости

ста Грибоедовского театра Валерия Харютченко...

Одним из центральных событий дня стала презентация поэтического сборника «Беседа» Маквалы Гонашвили (Грузия) и Елены Ивановой-Верховской (Россия) в Доме писателей. Это – книга взаимных переводов лирики. На вечере, который вел автор этих строк, выступили выдающиеся мастера словесности – Олег Чухонцев и Реваз Мишвеладзе, а украсили его своими выступлениями известные поэты, барды Людмила Орагвелидзе и Георгий Чкония.

Человек подчеркнуто не публичный, скупой на интервью, Олег Чухонцев в Доме писателей приветствовал аудиторию и поведал, что не был в Тбилиси 37 лет – это возраст Пушкина.

- Я потрясен изменениями, бросающимися в глаза, я очень люблю ваш старый город – это драгоценность, и отрадно, что вы храните облик старины, реставрируете памятники. Из давних друзей, литераторов моего по-

в Грузии.

На третий день фестиваль переместился в Батуми. К памятнику А.С. Пушкина на бульваре города были возложены цветы. А в Центре культуры и искусства состоялся «Праздник поэзии», который вел Олег Воловик (Венгрия). Вместе с участниками фестиваля на вечере выступили местные поэты и представители батумской администрации. Выступая в двух ипостасях – «хозяина» города и участника фестиваля – батумский поэт Вахтанг Глonti отметил, что поэты – особое братство открытых людей, мыслящих иными категориями, а потому мы здесь все вместе.

Следующий день начался с посещения родины Нодара Думбадзе – Гурии. В районном центре Чохатаури цветы возложили к памятнику замечательного писателя. А в родном селе Думбадзе – Хидистави, в его Доме-музее, прошел поэтический праздник «Я вижу солнце». На нем выступили участники фестиваля, представители местной

▲ В Гурии – на родине Нодара Думбадзе

общественности и администрации района, школьники. А еще был огромный подсвинок на вертеле. И вино из вскрытого в честь гостей кевври, разливаемое старейшинами по глиняным чашам. И чурчхелы, обретавшие законченный вид прямо на глазах изумленных литераторов, в аппетитном пару. И фрукты, и сцены из спектаклей в исполнении местных артистов. И – пение сельской девочки, от которого в восторг пришла Ксения Захарова, исполнительница русских народных песен и романсов, лауреат всероссийских и зарубежных фестивалей и конкурсов. Ксению и Олега Воловика обвенчал на одном из прошлых фестивалей Католикос-Патриарх всея Грузии Илия Второй. И на Всемирном фестивале русской песни Ксения Захарова официально представляла Грузию. «Потрясающе, этот ребенок далеко пойдет», - сказала мне Ксения.

Вечером в батумском кафе-ресторане «Fanfan» состоялся вечер памяти поэта Равиля Бухараева, участника прошлого фестиваля. Вечер вели вдова Бухараева – Лидия Григорьева (Великобритания) и Александр Радшевич (Франция).

На пятый день фестиваля его участники разъехались на поэтические встречи в регионы Грузии. Эти встречи прошли в Потийском театре, Домах культуры муниципальных центров Аджарии – Кеда, Хелвачаури и Шуахеви, городском музее Кобулет, мартвильском Центре культурно-исторического наследия «Роза Колхиды» в Мегрелии.

А вечером на площади Пяцца все съехались на концерт известной певицы, актрисы, режиссера, композитора, художника Мананы Менабде «Сны о Грузии».

Шестой день фестиваля был целиком посвящен юбилею Владимира Маяковского.

Литераторы побывали в Доме-музее Маяковского в Багдади. Там же прошел праздник поэзии, название которому подсказала еще одна его лирическая строка: «Я в долгу перед вами, багдадские небеса». Зарубежные гости и грузинские стихотворцы выступили с поэтическим аллаверды, передавая друг другу и зрителям, как чаши с вином, свои мелодичные строки. На празднике был презентован сборник лирики Маяковского «Навек любовью ранен». К памятнику поэта, установленному на возвышении перед его отчим домом, легли букеты цветов.

Затем праздник переместился в Кутаиси, где участники возложили цветы к памятнику Маяковского. В Кута-

исском государственном драматическом театре состоялась премьера спектакля грибоедовцев «Маяковский» в постановке Автандила Варсимашвили. Это документальная драма, посвященная жизни и творчеству Маяковского, сценическое решение которой открывает широкую историческую панораму, и на ее фоне вырастает фигура великого поэта.

В Гурии и Имеретии к фестивальным торжествам присоединился министр культуры и охраны памятников Грузии Гурам Одишария, который общался с гостями в неформальной обстановке. «Сегодня всех нас принимает Нодар Думбадзе, человек мира, благодаря которому мы говорим со всей планетой на языке добра», - провозгласил Гурам Одишария. В Чохатаури министр даже спел с вокальным ансамблем и солировавшей (на грузинском языке!) Ксенией Захаровой.

Параллельно в Тбилиси, в Культурном центре Епархии Армянской Апостольской Православной Церкви в Грузии «Айартун», был презентован сборник избранных стихотворений, рассказов и очерков литератора и заслуженного журналиста Грузии Арсена Еремяна «Позови меня как сына» - книги, призванной способствовать обмену духовными ценностями двух народов, сохранению и развитию многовековых культурных и общественно-политических связей между Арменией и Грузией, - международного проекта МКПС «Русский клуб» с участием СП Грузии и СП Армении. Книга А.Еремяна была также презентована 14 июля на Международной конференции писателей в Армении, в Цахкадзоре.

Книга популярного писателя и драматурга Дато Турашвили «В ожидании Додо» была презентована в батумском кинотеатре «Аполло». После презентации состоялась демонстрация российско-грузинского фильма «Любовь с акцентом» режиссера Р.Гигинеишвили. Сценарий его Д.Турашвили написал вместе с А.Хмельницкой.

А завершился фестиваль в Батумском Центре культуры и искусства концертом «Джазовые трансформации» с участием легенды российского рока, певца, поэта и композитора Андрея Макаревича – давнего доброго друга МКПС «Русский клуб». Макаревич покорила батумцев и своими избранными лирико-философскими стихотворениями.

Итак, фестиваль закончен, да здравствует фестиваль!

Владимир САРИШВИЛИ

РАЗГОВОРЫ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Закончился VI Международный русско-грузинский поэтический фестиваль, и поневоле задаешь себе ставший уже классическим вопрос: «Что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали?»

«Русский клуб» позаботился ответить на этот вопрос заранее. И сегодня память о фестивале останется в виде фотографий и видеосъемок, книг, изданных специально к празднику поэзии... А еще надолго запомнятся мастер-классы и творческие вечера, круглые столы и презентации.

Вопросам художественного перевода был посвящен круглый стол, состоявшийся в рамках фестиваля. Профессиональный разговор об особенностях, проблемах и канонах переводческого ремесла возглавили поэты Бахыт Кенжеев (Канада) и Шота Иаташвили (Грузия).

Б.Кенжеев. Баллады Жуковского, или «На севере диком стоит одиноко», или переводы Пастернака из Рильке «Деревья складками коры мне говорят об ураганах» - это великолепные русские стихи. Но это исключения. Вопрос: можно ли сделать аутентичный перевод? Думаю, он может быть и не похож на оригинал. Черт с ним, пусть он будет вольным переводом, но надо, чтобы он действовал на этого читателя так, как действует на того читателя оригинал.

Ш.Иаташвили. Недавно наш известнейший переводчик Давид Цередиани перевел «Фауста».

Б.Кенжеев. «Фауста» Пастернака, да? (Смех).

Ш.Иаташвили. И в книжные магазины стали заходить люди и спрашивать именно «Фауста» Цередиани.

Аутентичность там, конечно, есть. Но это не механическое переложение текста. А могу вспомнить поэта старого поколения, который немецких модернистов переводит на архаичный грузинский язык. Это уж точно не аутентично. Он переводит языком, который сам создает из грузинских архаизмов.

Б.Кенжеев. По-моему, это очень здорово. В этом и есть задача поэта – создавать свой язык. Но чтобы не растекаться мыслью по древу, у меня вопрос к профессиональным переводчикам. В советской школе перевода было такое святое правило – стараться воспроизвести размер оригинала. Я лично всю жизнь был категорически против. Потому что это мертвая вещь. Как к этому относиться? Юра, пожалуйста.

Юрий Юрченко (Франция). Профессиональный переводчик – это для меня слишком громко. Но Лев Озеров в Литинституте кое-чему меня научил. Спор о переводах вечный. Почему-то всегда говорят о двух полюсах – или перевод как можно более близкий к оригиналу, но это, как правило, неудачное стихотворение, или хорошее стихотворение на русском, но далекое от оригинала. Но никто никогда не говорит о третьем виде перевода – одновременно верном оригиналу и прекрасном русском стихотворении. Не должно быть никаких императивных заявлений. У каждого переводчика свой опыт, своя кухня. Он сам диктует свои законы перевода. Мало того, каждый перевод начинается с нуля. Какой бы опыт ни был. Я вслушиваюсь в текст стихотворения, и оно мне говорит – «кари крис, карри крис...» И я понимаю – надо играть со звуком. А в другом стихотворении, я вижу, автору важен не звук, не размер, а мысль. И в этом случае я, переводя, даже могу добавить 5-6 строчек, чтобы передать эту мысль. Вот и все законы. Слово «нельзя» для переводчика не существует.

Б.Кенжеев. Я говорил о том, что перед переводчиком стоит задача передать то потустороннее, трансцендентное, которое и хотел сказать поэт. И на этом пути могут возникать разные ситуации. Я мало перевожу. Но перевожу обычно верлибром. Кстати, это американская школа. Тем не менее, иногда вдруг попадает стих, который обязательно надо перевести с размером и рифмой. И это не труднее, это даже гораздо легче. Каждый раз – это индивидуальный случай.

Ю.Юрченко. И еще одна ремарка. Мы привыкли пинать все советское, говорить, что там все мертворожденное за редким исключением. Знаете, этих исключений было столько! Мы уже третий десяток лет живем не при советской власти, и мертворожденного сейчас намного больше.

Римма Маркова (Швеция). Я не профессиональный переводчик. Но то, что сказал Бахыт, меня немного напрягло. О том, чтобы создать у читателя идентичное восприятие. Проблема в том, что у людей с разным менталитетом восприятие принципиально различается. Мне кажется, что у перевода есть и другая задача – дать представление о поэзии страны.

Б.Кенжеев. Просветительская задача.

Р.Маркова. Да. У меня со шведами постоянно идет спор. Например, они совершенно чудовищно переводят Блока и пишут восторженные рецензии – ах, как замечательно переведено. А на самом деле они из стихов делают текст. Я им говорю – это не Блок. Где

▼ Юрий Юрченко

музыка? А они отвечают: по-шведски так не звучит. Но Блок не писал по-шведски.

Б.Кенжеев. Все правильно. «Эта черная музыка Блока»...

Ш.Иаташвили. Несколько лет тому назад на этом фестивале был Макс Амелин, и ему подарили книгу, в которой была уйма переводов «Мерани». Вообще, очень многие поэты переводили «Мерани». Размер в этом произведении очень важен, от него зависит интонация. Макс немного читает по-грузински. И потом начал меня спрашивать – обо всем. Есть ли инверсии, аллитерации, архаизмы... По фишкам. И все записывал. Иногда приходилось по несколько часов работать над одной строкой. И Макс сделал очень адекватный перевод. Потому что так серьезно работал над переводом.

Б.Кенжеев. Я вынужден перейти в глухую оборону.

Ю.Кобрин (Литва). А никто не нападает.

Б.Кенжеев. Меня неправильно поняли. Когда я говорил о советской школе перевода, я имел в виду не то, что при советской власти все было плохо. Нет. Как всем известно, в СССР для поэтов переводы были одним из способов зарабатывать деньги. «Ах, восточные

▲ Бахыт Кенжеев

переводы, как болит от вас голова...» Переводы были массовыми и хорошо оплачивались. И на этом пути произошло неизбежное снижение качества. Глобальное.

Михаил Яснов (Россия). Тут путаются понятия. Не было советской школы перевода. Была школа русского перевода. А советская школа – это зарабатывание денег, функциональные стихи, посвященные деятелям национальных республик и так далее. Слава богу, русская школа, которая насчитывает уже три с половиной века, все-таки выработала свои принципы перевода. Причем наши принципы резко отличаются от европейских. Мне приходится все время сталкиваться с французами, которые того же самого Блока перевели ужасным подстрочником, написанным верлибром, без музыки... И восторженные рецензии по всей прессе – какой замечательный поэт! Когда я спрашиваю французов, почему вы не переводите в рифму и в размер, они отвечают: если мы так переведем, это будут песенки. А переводя по-русски – если мы не сохраним рифму и размер, как это было в оригинале – мы не получим адекватный образ поэта.

Б.Кенжеев. Может быть, и получим. Мы можем притянуть поэта в переводе к нормам соответственной культуры.

▲ Михаил Яснов

М.Яснов. Есть один замечательный пример из Пастернака. Пять его переводов из Верлена. С моей точки зрения, это пять великих переводов, которые никак не связаны с Верленом.

Б.Кенжеев. Напомни.

М.Яснов. «И в сердце трава, и дождик с утра. Откуда бы, право, такая хандра?» Эти стихи не имеют никакого отношения ни к ритмике, ни к мелодике оригинала. Но это абсолютно адекватные стихи. В чем дело? В совпадении конгениальности.

Б.Кенжеев. Позволь, но я ровно об этом и говорю. Настоящий перевод – это штучный товар.

М.Яснов. Абсолютно верно. Но при этом существуют параметры школы перевода, которые отработались веками. Что касается XX века, то есть выдающиеся статьи по проблемам художественного перевода Гумилева и Чуковского, на которых зиждется вся наша школа перевода. Напомню любимую формулу Лозинского: «Перевод – это искусство потерь». Потери будут всегда. Но чем выше профессионализм переводчика, чем выше его задачи, тем меньше потерь в его переводе. Я всегда чем-то жертвую, но я должен четко понимать, чем жертвую.

Владимир Сарисвили (Грузия). Есть очень простой выход. Я давно говорю о том, что переводное произведение надо представлять в трех ипостасях – оригинал, подстрочник и художественный перевод. Причем надо выбрать одну из пяти позиций. Может быть художественный перевод – это высшая математика. Но перевод может быть интерпретацией, импровизацией, переложением, пересказом, подражанием. Следующий вопрос – размер оригинала. Например, перевод «Синих коней» Галактиона – одна из моих общепризнанных удач. Я перевел в размере оригинала, потому что он есть, чувствуется. Глупо было бы переводить «Ворона», отходя от размера оригинала, от его рефрена – это был бы совершенно другой продукт. Что касается советской школы перевода, я согласен, что это был заработок. Но не забывайте, что эта школа сформировалась в самые репрессивные годы. И поэты ушли в эту область. Но это не значит, что советская школа была школой продажных талантов.

М.Яснов. Советская школа – была. А русская школа – нет.

Бахытжан Канапьянов (Казахстан). Я бы хотел напомнить – советская ли, русская ли, но в Грузии была блестящая Коллегия по переводам, знаменитая на весь Советский Союз. Мы ездили сюда, учились многому. А что касается размера... Придерживайся размера, но насыщай его своим мастерством. Вспомните того же Мартынова – «Пьяный корабль».

М.Яснов. Хорошо, что вы вспомнили. «Пьяный корабль» Мартынова не имеет никакого отношения к оригиналу. Это замечательный текст Мартынова. Я думаю, главное, на чем мы сойдемся – те, кто переводит, должны очень точно читать текст оригинала. У меня есть замечательный пример – мое великое открытие. В переводах Лившица из Рембо есть стихотворение «Вечерняя молитва», которое вошло в историю русской поэзии благодаря Мандельштаму. Он выкрал у Лившица два слова. «Прекрасный херувим с руками брадобрея». «Руки брадобрея» вошли в русскую поэзию. А ведь Лившиц в этой строчке – редчайший случай в его практике! - ошибся. Он грамматически неправильно прочел строчку. Должно было быть «в руках у брадобрея». Знаете, почему? Потому что он сидит в пивной.

▲ Шота Иаташвили

Я нашел эту пивную в Бельгии. Это старая пивная, которая вся завешана зеркалами, как это было принято в конце XIX века. И вот Рембо сидит, ему приносят пиво, много пива, он пьет и у него по щекам стекает пена. И он смотрит в зеркало и видит себя так, как будто он сидит в цирюльне. И отсюда пошел весь этот образ.

Ю.Юрченко. Я вот о чем подумал. Вот эта советская школа, которую мы пинаем...

Б.Кенжеев. Никто ее не пинает, дорогой!

Ю.Юрченко. Массовые переводы по подстрочникам – вот где беда. Вот где хачапурно-лавашные переводы. И никакие расспросы о «Мерани» не помогут. В Москве выступал какой-то переводчик и рассказывал, как он волновался и плакал, переводя Терентия Гранели. Да мне плевать, как ты плакал! Ты сделай так, чтобы я заплакал! Есть еще такой парадокс, с которым я столкнулся. На Западе редко переводят. Там западло поэту переводить. Переводчик – это отдельная профессия. В результате Гомер, Данте, Гете – все переведены прозой. И когда несколько лет назад ставили «Гамлета», то переводили с Пастернака, а не с Шекспира. И

▲ Римма Маркова

еще. Школа Квятковского – вот кто вред наносит страшный. Так стараются сохранить архаику, что поэта, который писал на живом, современном ему языке, переводят мертвым языком. А ведь сегодня он писал бы сегодняшним языком. То есть, переводя с языка на язык, мы должны переводить с эпохи на эпоху.

Б.Кенжеев. Юра, это не совсем работает. Есть такая вещь – баптистские переводы Евангелия, Библии. Они переведены современным языком. Их совершенно невозможно читать. Это не сакральный текст.

Ю.Юрченко. Говоря современным, я не имею в виду тусовочным. Переводить надо высоко и просто. И знать меру.

Б.Кенжеев. Да, пожалуй. Да.

Елена Мандель (Канада). Один мой друг решил перевести на английский поэму Михаила Кузмина. Как он к этому подошел? Сперва он прочел дневники Кузмина этого периода. Потом нашел в них те книги, которые Кузмин читал в это время. Прочел все эти книги. И только потом взялся за перевод.

Б.Кенжеев. И прекрасно перевел, кстати.

М.Яснов. Я подхватываю. На самом деле существует иерархия ценностей при переводе. Когда ты переводишь стихотворение поэта, тебе нужно понимать, из какого сборника оно взято, в какой части творчества поэта это стихотворение находится, соотносить, как эти стихи корреспондируют с другими стихами этого поэта, его современников и потомков. И если создается вся эта структура – огромная, на самом деле – тогда, по идее, ты можешь переходить к переводу. Но это практически невозможно.

Б.Кенжеев. Золотые слова. Наша беседа напоминает мне такую тему – как хорошо было бы жить вечно и не болеть. От высокого к смешному один шаг. Я вспомнил классическую шутку Чуковского про пере-

вод. «Богат и славен Кочубей. Его поля необозримы, Там табуны борзых коней Пасутся вольны, нехранимы. И много у него добра – Мехов, атласа, серебра». Якобы стихи были переведены на немецкий, а потом обратно – таким образом: «Был Кочубей богат и горд, Его поля обширны были. И очень много конских морд, Мехов, сатина первый сорт Его потребностям служили». (*Смех*).

М.Яснов. Я могу поделиться своим скромным опытом. Я однажды перевел стихотворение замечательного поэта Жана-Люка Моро и перевел так: «Слон большой, огромный слон, Но зато и добрый он. Так ведется у зверей – Тот, кто больше, тот добрей». Перевел и думаю – я же перевел стихи, которые я знаю. Начал мучительно соотносить и сообразил, что перевел четверостишие Бориса Заходера. Звоню Жану-Люку и говорю – слушай, я перевел твои стихи как стихи Заходера. А он отвечает – конечно, это он и есть, я его перевел на французский. (*Смех*).

Б.Кенжеев. Какая прелесть!

В.Саришвили. А вам известно, как Юрий Рытхэу делал подстрочник «У лукоморья дуб зеленый»? Поскольку на Чукотке не растет дубов, нет котлов, не добываются металлы, а уж лукоморье – вообще что-то недоступное, то получилось так: «На берегу моря, изгибающегося наподобие лука, растет дерево, из которого у нас делают копылья для нарт, на дереве висит цепь из того же металла, из которого два зуба у директора нашей школы, по цепи ходит животное, похуже на собаку, но меньше и более ловкое». (*Смех*).

Б.Кенжеев. Ребята, я вам стихи прочту. «На севере диком стоит одиноко то, дерево, которое растет далеко на юге в районе Новосибирска». (*Смех*).

М.Яснов. Есть четыре гениальных строчки о том, что такое перевод. Они принадлежат переводчику с английского Игнатию Ивановскому: «Луна взошла на небосвод И отразилась в луже. Как стихотворный перевод – Похоже, но похуже».

Б.Кенжеев. Я попробую вспомнить... «Кура, оглошшая от звона, Вокруг нее темным-темно. Над городом Галактиона Луны бутылочное дно. И вновь из голубого дыма Встает поэзия, она Вовеки непереводаима, Родному языку верна».

М.Яснов. Таких стихов о непереводаимости достаточно много.

Б.Кенжеев. Просто эти – хорошие. Хочу поблагодарить всех. По-моему, все мы сказали что-то хорошее. Итоги таковы: трудно, но можно.

Ш.Иаташвили. Я тоже подведу итог. Мне вспомнились слова Кавафиса: когда я пишу стихи, стараюсь достичь того, чтобы мои стихи были хорошими подстрочниками. (*Смех*).

Материал подготовила
Нина ШАДУРИ

СВЕТЛА ГЕОРГИЕВА (БОЛГАРИЯ)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Писатель, художник, автор и исполнитель песен. Член Союза болгарских писателей, Союза болгарских художников, Европейского Культурного Парламента. Автор поэтических сборников: «Волчица в храме» (1997), «Невыпитое море» (2001), «Звезды и сорняки» (2005). Провела 21 персональную выставку в Болгарии и за рубежом, участница многочисленных коллективных выставок живописи. Лауреат премий множества фестивалей авторской песни в Болгарии.

В ОЖИДАНИИ ТЕБЯ

Ты уже подходишь к двери,
а я еще не приготовилась,
стою в замешательстве –
какое платье одеть,
какую улыбку?
Какое небо к ним подобрать,
с какими в нем птицами?
Ты уже стучишь в дверь,
а я еще не приготовилась –
каким светом тебя коснуться,
какие из рук к тебе протянуть?
Какой тишиной к тебе обратиться,
какими словами – промолчать?
Ты уже открываешь дверь,
а я еще не приготовилась –
каким прошлым ополоснуть глаза,
какое будущее смыть с себя?
Какого рассвета надеть ожерелье,
каким ветром надушиться?
Ты уже стоишь передо мной,
а я не успела привести себя в порядок.
Так и застаешь меня
обнаженной –
я да сердце.

ДВОЕ ПО ДОРОГЕ

Так вот беседуем с ангелом
по тоскливой дороге в промежутке
двух моих возрастов:
Ничего у меня нет – ему говорю.
Ошибаешься, есть – он мне отвечает.

Так и шагаем вдвоем с ангелом
по длинной дороге между мной
и надеждой.

Вокруг – чистая ночь,
а жизнь затаилась в ожидании:
вот-вот я сбудусь.

Так возвращаемся с ангелом
по щедрой дороге после одного
твоего объятия:
Теперь все у меня есть – ему говорю.
Ошибаешься, нет – он мне отвечает.

КОГДА ПРИДЕТ ПОРА

Чем я ближе к тебе –
тем сильнее мне тебя недостает.
Чем больше мы вместе –
тем более с тобой прощаюсь.
Когда придет пора
мне уезжать,
я нарисую иероглиф птицы
поверх всех дней,
отмеченных моим отсутствием.
А ты останешься, пока
движение моей руки не высохнет
на календаре.
Затем
помедлишь на мгновенье перед уходом –
погасить за мною свет.

Перевод с болгарского Нади Поповой

ПОД БАГДАДСКИМИ НЕБЕСАМИ

Этот поэтический образ, родившийся однажды у Владимира Маяковского, стал отправной точкой для создания спектакля о нем на сцене Тбилисского русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Постановку осуществил художественный руководитель театра Автандил Варсимашвили в рамках VI Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Во весь голос», проводимого Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб». Премьера состоялась на сцене Кутаисского театра имени Л.Месхишвили в день рождения поэта.

Спектакль «Маяковский» - документальная драма, посвященная жизни и творчеству Маяковского. На сцене – металлическая конструкция с длинным помостом, по которому актеры – участники спектакля – выходят к авансцене, к зрителям. Актеры представляют калейдоскоп лиц эпохи, имеющих отношение к жизни и творчеству поэта. В прологе и в финале Маяковский (Вано Курасбедиани), подобно мифологическому герою Гераклу, приводит в движение машину сценической конструкции – словно вращает жернова истории, словно несет тяжелый груз своей судьбы – поэтической и личной. Эта метафора сродни масштабным, ги-

перболическим образам поэзии Маяковского. В сценографии спектакля выражен стиль конструктивизма, получившего развитие в 1920-е годы.

В этом условном сценическом пространстве (художник Мириан Швелидзе) происходит действие, гармонично выстроенное А.Варсимашвили, автором инсценировки и режиссером-постановщиком. Оно охватывает практически все важнейшие моменты жизни и творчества поэта – место рождения, первые шаги в литературе, увлечение «левыми» идеями и «левым» искусством, любовь, пестрое поэтическое окружение, краски новой эпохи, трагедия художника, перекликающаяся с трагедией, переживаемой страной, творческий кризис, самоубийство...

Авто Варсимашвили стремится показать драму художника, которому всю жизнь приходилось наступать «на горло собственной песне». Как сказала Марина Цветаева, «двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского поэта, на тринадцатый год поэт встал и человека убил».

Спектакль начинается и заканчивается самоубийством поэта. Мы становимся свидетелями расследования причин случившегося. «Показания» дают последняя возлюбленная поэта Вероника Полонская, Михаил Зощенко, Лиля Брик, Николай Шенгелая, Валентин Катаев... Следствие было заинтересовано в том, чтобы «перед лицом заграницы, перед общественным мнением представить самоубийство Маяковского как смерть поэта-революционера, погибшего из-за личной драмы». Хотя, как писала Лиля Брик, Веронику Полонскую можно винить лишь «как апельсиновую корку, о которую поскользнулся, упал и разбился насмерть» поэт. Но что же на

самом деле стало причиной самоубийства Владимира Маяковского?

Чтобы ответить на этот вопрос, Авто Варсимашвили предлагает шаг за шагом проследить жизнь поэта.

В спектакле сильна «грузинская» составляющая – подчеркивается, что Владимир Маяковский не забывал о своих корнях, родном Багдади. Не случайно Галактион Табидзе писал: «Маяковский обязан природе Имерети. Темперамент Маяковского подобен темпераменту имеретинца. Все творчество Маяковского темпераментно...»

Именно в Кутаиси Владимир Маяковский, сын потомственного русского дворянина и кубанской казачки, увлекся революционными идеями. В тот период его вдохновляли стихи основоположника грузинской пролетарской литературы Иродиона Эвдошвили и народная «Песнь об Арсене» – герое грузинского крестьянского движения первой половины XIX века.

Еще одна «грузинская» страница – кутаисский театр, созданный актером, режиссером, педагогом Ладом Месхишвили. Семья Маяковских была дружна с ним. Владимир часто посещал театр, а многие спектакли вместе с сестрой Ольгой – даже по несколько раз. Дружил с Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, Валерианом Гаприндашвили, был свидетелем на свадьбе Николая Шенгелая и Наты Вачнадзе. Даже за границей он скучает по Грузии: «Мне так хочется побродить не по Парижу и Бродвею, а по окрестностям Багдади!»

Сцены из спектакля «Маяковский»

«Ты знаешь, как жарят шашлыки в Грузии?» – этот вопрос задаст Маяковский Веронике Полонской накануне самоубийства...

В постановке звучат две основные музыкальные темы. Одна – грузинская, она буквально пронизывает спектакль. Другая – тема художника, глубокая, драматичная.

Внутренняя связь Маяковского с Грузией никогда не прерывалась. «Только нога ступила в Кавказ, я вспомнил, что я – грузин!» – писал поэт в своем знаменитом стихотворении «Владикавказ – Тифлис». Без него просто невозможно представить тбилисскую постановку о Владимире Маяковском!

Лиля Брик – еще одна глава спектакля. Не женщина, а «исключение», как говорил поэт. Роковая любовь Владимира Маяковского. И тут вспоминаются слова другого поэта той же эпохи – Бориса Пастернака: «Любимая – жуть... Когда любит поэт, влюбляется бог не-

прикаянный!» Лиля ворвалась в жизнь Маяковского как неудержимая стихия. Стала его возлюбленной и музой, но причинила поэту немало страданий. В первый раз Маяковский стрелялся именно из-за этой женщины.

Еще одна «стихия» в жизни Маяковского – сродни Лиле Брик. Это – революция. Поэт обращался к ней как к живому существу, как к женщине: «Революция! О, четырежды славься, благословенная, О, звериная! О, детская! О, копеечная! О, великая!» Революция соз-

Зрители тепло приняли спектакль

дала поэта Маяковского, но она же погубила его – стала одной из причин его депрессии и раннего ухода. И вновь – Пастернак: «Я знаю, ваш путь неподделен, но как вас могло занести под своды таких богаделен на искреннем вашем пути?» Но Владимир Владимирович всю свою «звонкую лиру поэта» отдал «атакующему классу», хотя и предвидел трагическое развитие событий: «В терновом венце революций грядет семнадцатый год!»

Между тем тучи сгущались – начались репрессии, русская интеллектуальная элита покидала Россию – уезжала в эмиграцию. Очень выразительна в спектакле сцена, связанная с судьбой русской интеллигенции – раздавленной, уничтоженной. Скончался Блок, расстреляли Гумилева, покончил с собой Есенин.

Эти события совпали с творческим, человеческим кризисом Владимира Маяковского. Его произведения не воспринимают, поэт оскорбляют, бойкотируют, пьеса «Баня» провалилась. Пресса была столь же беспощадна, как и публика... Но не это главное. Главной была его внутренняя драма художника. Ведь Маяковский был гением, попавшим в жернова истории. «Оставаясь официально признанным поэтом вплоть до падения советского режима, он стал объектом острой либеральной критики со стороны диссидентской культуры, отождествлявшей официальное с одиозным», – пишет Евгений Купавых.

Заключительные сцены спектакля – хроника последних нескольких дней поэта. 10 апреля, 11 апреля... 14 апреля. День смерти. Круг замкнулся.

В спектакле заняты: заслуженная артистка Грузии Людмила Артемова-Мгебришвили, Михаил Арджеванидзе, Нана Дарчиашвили, Нина Кикачеишвили, Аполлон Кублашвили, София Ломджария, Александр Лубинец, Нина Нинидзе и Дмитрий Спорышев.

Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Пещерный город Уплистикхе

ЗОВ ДНЯ УШЕДШЕГО И ДНЯ ГРЯДУЩЕГО

«Это правда, мальчик?»

*Рефрен из рассказа
Нодара Думбадзе «Кровь»*

В виртуальную эпоху, вооружившись технологией и системой «Google – Планета», блуждаю по мирам реальным и ирреальным. По прошлому и будущему, то есть по настоящему, что постоянно перетекает в эти понятия нашего литературного ремесла.

Память – неистребимая плазма, вбирающая в себя четвертое измерение нашего мира и нашего сознания, заполняет и зачастую переполняет безбрежное пространство нашей души.

«Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы – мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни».

Эти святые слова Нодара Думбадзе были на слуху в семидесятые-восемидесятые годы прошлого столетия.

Давайте помнить об этом и в наше время, в начале нового века и нового тысячелетия, в транзитный период

нашего бытия.

Блуждаю по просторам компьютерной души, иногда окунаясь в небесную синеву монитора.

Детская память – цепкая вещь.

Это правда, мальчик.

Помнишь фильм из середины прошлого века? – «Мамлюк».

Я помню.

Не помню режиссера, а в детстве помнят саму картину, но не того, кто эту картину создал.

Это потом, с годами познаешь, что «Я, бабушка, Илико и Илларион» сотворена по роману Нодара Думбадзе Тенгизом Абуладзе, а затем была создана и великая кинотрилогия «Хевсурская баллада», «Древо желаний», «Покаяние». Все это не раз повелевало сердцу читать и перечитывать романы и рассказы писателя – «Я вижу солнце», «Солнечная ночь», «Закон вечности», «Не тревожься, мама!», «Белые флаги», «Кукарача», «Дидро», «Кровь», «Мать», «Неблагодарный», «Коррида», «Солнце».

Но это было потом. А вначале был «Мамлюк». О судьбах двух друзей, а может быть, братьев, ибо друзья из одного горного селения всегда становятся братьями, разлученных в раннем детстве вихрем истории.

И ставших врагами.

И принявших смерть друг от друга.

Я это помню.

И вечный зов родины мамлюка.

Из летописи и литературы знаю, что кипчакский хан Артык являлся отцом Турандохты – жены Давида IV.

И неистребимый зов крови, побеждающий сквозь века манкурта нашего времени.

И горчащий запах емшана-полыни, манящий туда, на восточное побережье Каспия, откуда был родом предводитель мамлюков кипчак Бейбарс, объединивший осиротелых сынов Земли и на берегах Нила, в Мысыре-Египте, и в лазурном Крыму, и в небесных горах Кавказа.

Но и он, и его воины-побратимы были бессильны перед памятью их манящей Родины-матери.

Это правда, мальчик.

Вспоминаю «Плаху» Чингиза Айтматова, ему в декабре исполняется 85 лет со дня рождения, погодка и ровесника Нодара Думбадзе и его собрата по «Закону вечности». Вспоминаю страницы, посвященные грузинскому многоголосию, где песни пелись одна за другой, и пилось вино, которое чем больше пьешь, тем охотнее оно пьется, и тем сильнее горит душа, жаждущая снова и снова вина и песни.

Они стояли в кругу, иногда возложив руки на плечи друг другу, иногда уронив их плетями, а когда хотели, чтобы их услышала божественная сила, неведомая и неотвратимая, но всевидящая и всезнающая, воздевали руки к небу.

Как же так, если Бог все видит и все знает, куда он гонит их с земли своей? И почему так устроено, что люди воюют и борются между собой, что льется кровь, льются слезы, и каждый считает себя правым, а другого – неправым, и где же истина, и кто ее вправе изречь?

Где тот пророк, который бы их рассудил по справедливости?.. Не об этом ли, не об этих ли вылившись в напеве страданиях, пережитых давным-давно, осмысленных отцами как изначальный опыт добра и зла, прочувствованных в их красоте и вечности, пелось в тех старинных песнях, сохраняемых в памяти народа?

И потому в устах тех семерых от одной песни рождалась другая, и они не размыкали круга...

Это правда, мальчик.

И не было в ту ночь людей родней и ближе меж собой, чем эти семеро грузин, поющих горестно и вдохновенно в час разлуки. Стихия песен сблизала их еще тесней. Как много все же сумели предки пережить и придумать впрок для потомков задушевных слов, полных бессмертной гармонии. Как по полету можно отличить птицу, так по песне грузин грузина отличит за десять верст и скажет, кто он, откуда он, что с ним, что на душе у него, - на свадьбе развеселой был или горе его томит...

Это правда, мальчик.

Старики везде разные, и в горном селении, и на берегу моря, и в долине, и в городе, и в дальнем ауле. Однако их всех объединяет нечто большее, чем просто приобретенный опыт бытия.

Это нечто большее – мудрость, суровая и лукавая, степенная и внешне безразличная ко всему окружающему, погруженная в невидимые уголки памяти, изредка извлекая оттуда, из колодца времен, ночные страницы воспоминаний.

Они терпеливо существуют в городских квартирах взрослых своих детей – дочери или сына, которые по долгу родства, но не по зову сердца выделяют им метраж отдаленной комнаты. И только тогда оживает в их глазах блеск былой жизни, когда забегает в канун долгой ночи внук.

И молча слушает деда.

И затем оба молчат.

И детский безмятежный сон сливается с чутким сном-дыханием деда.

И время неумолимо.

И приходит тот самый час, когда словно бы встрепенувшись, словно бы по зову далеких и ушедших предков, старик покидает квартиру сына или дочери, поцеловав спящего внука, садится на ночной поезд, а затем на попутную машину или даже арбу, идет и идет туда, в горы, в свое родное горное селение по зову дня ушедшего, оставаясь «неблагодарным» в памяти взрослых детей.

Это правда, мальчик.

Вглядываюсь в иллюминатор монитора, приближая к глазам ту или иную местность.

От востока к западу.

От севера к югу.

А если уйти на юго-восток, туда, где возвышается Джомолунгма, то у подножья великой вершины можно найти горное селение – Тенгри.

Где-то в этих местах зародилась древнейшая религия тенгрианство, предтеча основных религий мира, где поклонялись земной богине Умай, божественному Светилу – Солнцу и небесному богу – Тенгри. Есть одна древнейшая молитва, когда-то сотворенная, может на санскрите, а возможно и на другом древнем языке, ибо я ее не слышал за время прошлых странствий на разных языках, но единую по сути:

«Боже, даруй мне просветленность, чтобы принять то, что я не могу изменить, мужество, чтобы изменить то, что

▲ Вид с Нарикала

я могу, и мудрость, чтобы увидеть разницу; дай мне жить сегодняшним днем, радуясь каждой минуте, принимая трудности лишь как тропинку к миру; дай мне принимать этот мир таким, какой он есть, а не таким, каким бы я хотел его видеть; дай мне верить, что ты все устроишь так, как надо, если я повинуюсь твоей воле, дабы я мог быть по-настоящему счастлив в этой жизни и в высшей степени счастлив в будущей. Аминь».

Телави, Марнеули, Ахалкалаки проступают сквозь рваные облака утреннего тумана на склонах гор и раскинувшихся долин, где-то там, за ущельем.

Тбилиси, Батуми, Рустави, Кобулету, Поти, Багдади, Мартвили, Шуахеви...

А вот и тропа, ведущая в Гурию, где не раз делили тебя, мальчик, почтенный Кишварди Ломджария и не менее почтенная бабушка Юлия, ибо ты и для той стороны по линии матери, и для этой по линии отца един, и имя тебе – внук.

И все же...

Кишварди Ломджария глядел на огонь и думал. Думал и в то же время старался уйти, скрыться от своих невеселых дум. Но куда человеку деться от собственных дум? Ведь человек не бог... «Не нужно было отпускать мальчика... Но не смог я устоять перед горем старушки... А теперь сам в ее положении. На той неделе схожу к ней, попрошу вернуть мальчика. Не отдаст, заберу силой... «Какое, - скажу, - имеешь ты право отнимать у меня мою плоть и мою кровь? Ведь ты не бог!» Но... ведь она может ответить мне теми же словами?! Ведь я сам тоже не бог, а всего-навсего простой смертный... Ведь мальчик принадлежит ей так же, как и мне. Вот если бы я был богом! Ох, трудно, трудно быть человеком, гораздо труднее, чем богом.

Слава богу, в этом сам убедился наш спаситель – Иисус Христос...

А когда мальчик сам вернулся к деду, тот спросил у мальчика:

– А знаешь, что привело тебя ко мне?

– Нет!

– Так я скажу тебе: кровь тебя привела ко мне, вот что. Кровь – великая сила, внучек!..

А если вновь вернуться к «Покаянию» Тенгиза Абуладзе, то, на мой взгляд, и этот фильм и роман «Закон вечности» двух великих мастеров грузинской культуры, двух великих сынов человечества, это нетленные вещи одного порядка.

Я не собираюсь пересказывать сюжет фильма, трактовать линию режиссера Т. Абуладзе, так как в силу неоднородности этого явления невозможно это сделать, да и ни к чему. Как можно пересказать «Мастера и Маргариту» М.Булгакова? Как можно пересказать «Осень патриарха» Г.Маркеса? Как можно пересказать «Зеркало» или «Солярис» А.Тарковского? Как можно пересказать последние романы Ч.Айтматова? И все-таки этот фильм в силу своей первородности отличается от перечисленных шедевров литературы и кино. У каждого из нас, кто посмотрит данный фильм, у каждого, кто волеется в это странство исповеди, будет и свое суждение о нем, и своя трактовка образов, и свои выводы, и свое... покаяние.

Кинофильм обладает не только синтезом различных видов искусств, но и в силу своей специфики раскрывает в одном творческом ключе реальность и вымысел, явь и сон, где помыслы и действия персонажей разрушают, казалось бы, установившиеся каноны восприятия. Авторы фильма берут за основу такие общечеловеческие категории, как сознание и бытие, и, усиливая эти категории кинометафорой, гротеском, сарказмом, символом и аллегорией, выстраивают их в единый видеоряд, обнажая тем самым в образе Варлама и категорию зла.

От имени жертв Варлама Аравидзе героиня Кетеван обращается к нам, зрителям:

– От своего имени и от имени всех несправедливо наказанных я требую, чтобы Варлама Аравидзе его же близкие собственными руками вырыли из могилы... Предать его земле – это значит простить его, закрыть глаза на все, что он совершил.

Волею неумирающей памяти Кетеван выносит приговор не только Варламу, но и себе, сознательно вынуждая себя выкапывать тело Варлама из могилы. Потому проносят своей горькой правдой слова Кетеван, обращенные к Торнике, сыну Авеля, внуку Варлама: «Вот и я своими

действиями сотворила из тебя убийцу». И эта ее горечь, ее протест, отчаяние и неоднозначная непримиримость каким-то кинематографическим «биополем» окружает нас, зрителей, заполняет все уголки души потоком сознания, просвечивает рентгеном совести. Пока мы терпим варламов, они паразитируют в нашем обществе, пока мы предаем забвению их кровавые дела, есть опасность возрождения их преступлений. Покаяние, не взирая на посты и чины, покаяние без душка лицемерия, ибо может исчезнуть сама суть этого явления, и к великому слову «правда» присосется нас угнетающая приставка «не», порождая в здоровом человеческом организме ржавчину лжи.

Вспомните кадры, когда некто, облаченный в наряд жениха, избирает себе в невесты саму бесстрастную Фемиду с завязанными глазами. Это уже зло. Кем оно порождено? На этот вопрос отвечает фильм «Покаяние». Вспомните кадры, когда средневековые стражники входят в дом очередной жертвы со словами «Мир вашему дому!» Кем порождена эта страшная суть лицемерия? И на это отвечает фильм «Покаяние».

Не только отцы несут ответственность перед детьми, но и дети ответственны за своих родителей.

А если отец попал в петлю репрессий по вине Варлама и ему подобных, а если мать после долголетней ссылки не узнала сына и только по родимому пятну на его животе поняла, что это он, плоть отца и ее кровинушка?

▲ Метехская улица

Это правда, мальчик?

Правда.

И размыкается круг многоголосия.

И по возгласу «Вай, нана!» Хвича-Махмуд признает в умирающем французе друга-побратима по горному селению.

Не только деды наши хотят найти свое достоинство во внуке, недодав это достоинство сыновьям, но и внуки посредством невидимой и бессмертной лозы порою принимают груз вины предков.

Вынуждены принимать.

Или отрекаются, тем самым теряется связь поколений, обрывается ток крови, перерубается лоза нашей жизни.

А значит не будет ни песен, ни вина.

А система «Google – Планета» уносила мой взор к берегу моря, куда вот-вот погрузится Светило. И я, быть может, увижу зеленый луч, засиявший на диске заходящего в море солнца. Как когда-то увидел этот луч твой друг Гулды Каладзе.

Это правда, мальчик.

А если двигать мудрой мышкой, то можно уйти и в сторону древнего Иерусалима, где покоится прах автора

«Витязя в тигровой шкуре».

«Как Гомер есть Эллада, Данте – Италия, Шекспир – Англия, Кальдерон и Сервантес – Испания, Руставели – есть Грузия... Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем в веках, еще доселе не узанный русскими, был избранник Грузии, Шота Руставели, давший в XII веке своей родине знамя и зов – «Вепхисткаосани» - «Носящий барсову шкуру».

Это лучшая поэма о любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю», – писал поэт и переводчик этой поэмы Константин Бальмонт...

Это евразийская поэма, ибо вбирает в ткань своего сюжета образы Востока и Запада, и географическое положение Грузии являет собой точку этого отсчета.

А если уйти виртуально на север, то где-то там, недалеко от Телави, есть горное селение Омало. Говорят, что означает «не забудь меня».

Помню и никогда не забуду.

И по мизансценам культового фильма «Мимино», и по одинокому туру, что разгоряченными ноздрями вдыхает хрустальный воз-дух гор.

И пьешь этот воз-дух, словно бы небесную воду из родника или кувшина, чтобы дальше и выше идти по тропе дня грядущего.

Это правда, мальчик.

В наше очень плотное время только эта система «Google – Планета» и спасает, ибо оттуда, с компьютерных небес, мы видим и могилы наших предков.

И все же, как близко к глазам ты не подводишь экран монитора, только сердцем, и только им тебе дано свыше реально, хотя бы раз в год, хотя бы раз в этой земной жизни, хотя бы раз перед своим уходом прийти и поклониться своим предкам.

Это правда, мальчик.

Об этом и песня русского поэта и писателя, сына грузина и армянки, песня батона Булата:

«А иначе зачем на земле этой вечной живу».

А иначе зачем нам день грядущий, во имя которого мы, поэты разных стран, собрались здесь, на родине великого гуманиста Нодара Владимировича Думбадзе?

Собрались, несмотря на новые и свежие границы отчуждения, о которых и ведать не ведали наши деды и прадеды.

*А может быть, плач поднебесья
И лунный сквозь сумрак аккорд.
Я вижу – из южного детства
Свисающий с неба апорт.*

*А там за ночным перевалом
Встает восприятием сна
Рождественской свечки огарок,
И ель, что живет у окна.*

*А там, где-то там за грядую,
За горной грядую судьбы
Свет горний встает над тропую
Под скрип одинокой арбы.*

*А там, где-то там на закате
Начало второго пути.
Мой мир ошибается в дате,
Все день тот пытаюсь найти.*

Бахытжан КАНАПЬАНОВ

11 июля 2013 г.,

перед отъездом в Грузию

Я ПЬЮ ЗА РАЗАРЕННЫЙ
 ЗА ЗЛУЮ ЖИЗНЬ МОЮ, Дом,
 ЗА ОДИНОЧЕСТВО ВДВОЕМ 8+41
 ЗА ТЕБЯ Я ПЬЮ
 ЗА ЛОЖЬ МЕНЯ ПРЕДАВШИХ ГУБ
 ЗА ТО ЧТО МИР ЖЕСТОК
 ЗА ТО ЧТО БОГ НЕ СПАС

НЕРАЗОРЕННЫЙ ДОМ ПОЭЗИИ

На стене дома в центре Тбилиси – черной краской граффити:

*Я пью за разоренный дом,
 За злую жизнь мою,
 За одиночество вдвоем,
 И за тебя я пью, -
 За ложь меня предавших губ,
 За мертвый холод глаз,
 За то, что мир жесток и груб,
 За то, что Бог не спас.*

Выведено косо, с грамматическими ошибками, но со всей страстью и безрассудностью подпольщиков, тех, кто не хочет и не может допустить разорения поэтической сути Грузии, где из века в век русские стихи переливались в грузинские переводы, а уж лучшие переводов на русский язык, чем из грузинской поэзии, кажется, и не найти.

Как символично, подумалось мне, что для защиты поэзии выбраны не публицистические лозунги и речевки, а именно Ахматова; выбрана кислородная маска поэзии. (Не могу не отметить, к слову, что 24 августа в рамках Дней Довлатова в Таллинне Ахматова прозвучит в исполнении восемнадцати русских актрис и одной эстонской поэтессы – Дорис Карева, переведшей Ахматову на эстонский язык. Вступительное слово произнесет выдающийся русский поэт, друг и ученик Ахматовой – Евгений Рейн).

Страшной, непоправимой бедой был бы разрыв русско-грузинского литературного родства...

Молодая грузинская поэтесса Като Джавахишвили пишет о мире, который наваливается на нас своей беспощадностью и жестокостью, заставляя народы забывать о нежных и горьких уроках поэзии (перевод Анны Григ):

*убьем наших детей.
 тех, что выросли, и тех, что должны вырасти,
 тех, что не смогли родиться
 и даже не просили их рожать.*

*.....
 перебьем наших сытых детей!
 переполним их желудки
 печеньем,
 чипсами,
 эмульгаторами,
 а потом перебьем...
 хотя бы не умрут от голода.*

В Грузии завершился VI Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «Во весь голос». Бессменный руководитель и организатор фестиваля Николай Свентицкий, директор государственного русского театра имени Грибоедова, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб», издатель литературного журнала «Русский клуб», сказал на открытии: «Поэзии нечего бояться и нечего стыдиться – она всегда права. И последнее слово всегда остается за Поэтом».

Сорок русских поэтов из разных стран мира – Австрии, Армении, Азербайджана, Америки, Англии, Болгарии, Белоруссии, Венгрии, Германии, Дании, Израиля, Испании, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, России, Сербии, Словакии, Узбекистана, Финляндии, Франции, Швеции и Эстонии на протяжении десяти дней вместе с грузинскими коллегами читали стихи и в залах Тбилиси и во многих городах Грузии. Но в последнюю ночь перед расставанием (автобус в аэропорт уходил в четыре утра) мы все-таки собрались в холле гостиницы в Батуми и читали уже друг другу. Была когда-то такая традиция – читать друг другу стихи, звонить по ночам, поднимать с постели из-за удачной строчки, и было ощущение, что мы все занимаемся самым важным и главным делом в мире.

Как это сказано у Эмзара Квитаишвили в переводе Евгения Евтушенко в выпущенном к фестивалю сборнике «Перекрестки»:

Нам только кажется,
 что птицы умирают.
 Мы видим только оболочку птичью,
 и догадаться мы не можем вовсе,
 как впитывает их в себя лазурь
 .....
 Но пусть никто не верит смерти птиц....

И В ГОРИ, И В РАДОСТИ

Это не опечатка. Эту фразу придумал замечательный поэт из Франции Юрий Юрченко после нашего выступления в маленьком городе Гори. Тут непременно нужно сказать, что Юра Юрченко, кроме всего прочего – серьезно-театрально-поэтического – еще и необыкновенно остроумный поэт, о чем свидетельствует его «Новая иллюстрированная Педагогическая поэма», адресованная дочке:

*Юность... Тайны... Танцы... Бахус...
 Мелос... Эрос... Кабальерос...
 ...Не кури ты, Тань, табакос...
 Не бери плохой примерос...*

▲ В Доме-музее Сталина. Гори

Но вернемся в Гори, где, конечно, есть неизбежный музей Сталина с необыкновенно корректными экскурсоводами, не дающими никакой оценки своему главному персонажу, но есть и многое другое. Есть старинная крепость Горис цихе, где найдено археологами уникальное городище примерно шестого-седьмого века до нашей эры с жертвенниками и цистернами для вина. И есть современное кафе поэтов, куда нас пригласил мэр города Папуна Коберидзе. Он поднял бокал, и мы смиренно стали ждать пространного административно-выверенного тоста. А он запел... песню Высоцкого. А потом стал читать Есенина и Блока, своих любимых поэтов. Ему ответила Манана Менабде – художник, поэт, композитор, актриса Московского театра «Мастерская Петра Фоменко»: она запела на грузинском, потом на русском языке. Читал детские шуточные стихи питерский поэт Михаил Яснов, который через два дня вылетал в Москву для получения Государственной премии; и тут уместно добавить, что он замечательно переводит нашу поэтессу Лезло Тунгал, с которой у них вышла уже вторая совместная книга.

И снова Папуна Коберидзе читал стихи и пел на обоих языках, читал стихи не только классиков, но и своих друзей, что вообще-то большая редкость для поэтической среды. И при этом, говорят, он – прекрасный мэр, необыкновенно много делающий для процветания своего города.

В музее Сталина, кстати, подарили нам сборничек стихов тирана, изданный на трех языках. В 1895 году будущий отец народов писал:

*Стремится ввысь душа поэта,
 И сердце бьется неспроста:
 Я знаю, что надежда эта
 Благословенна и чиста!*

Представляете, если бы он на этом и остановился! Ну, было бы на одного посредственного поэта больше, какая тут беда?! Сколько миллионов жизней было бы спасено! Но это так... заметки на полях...

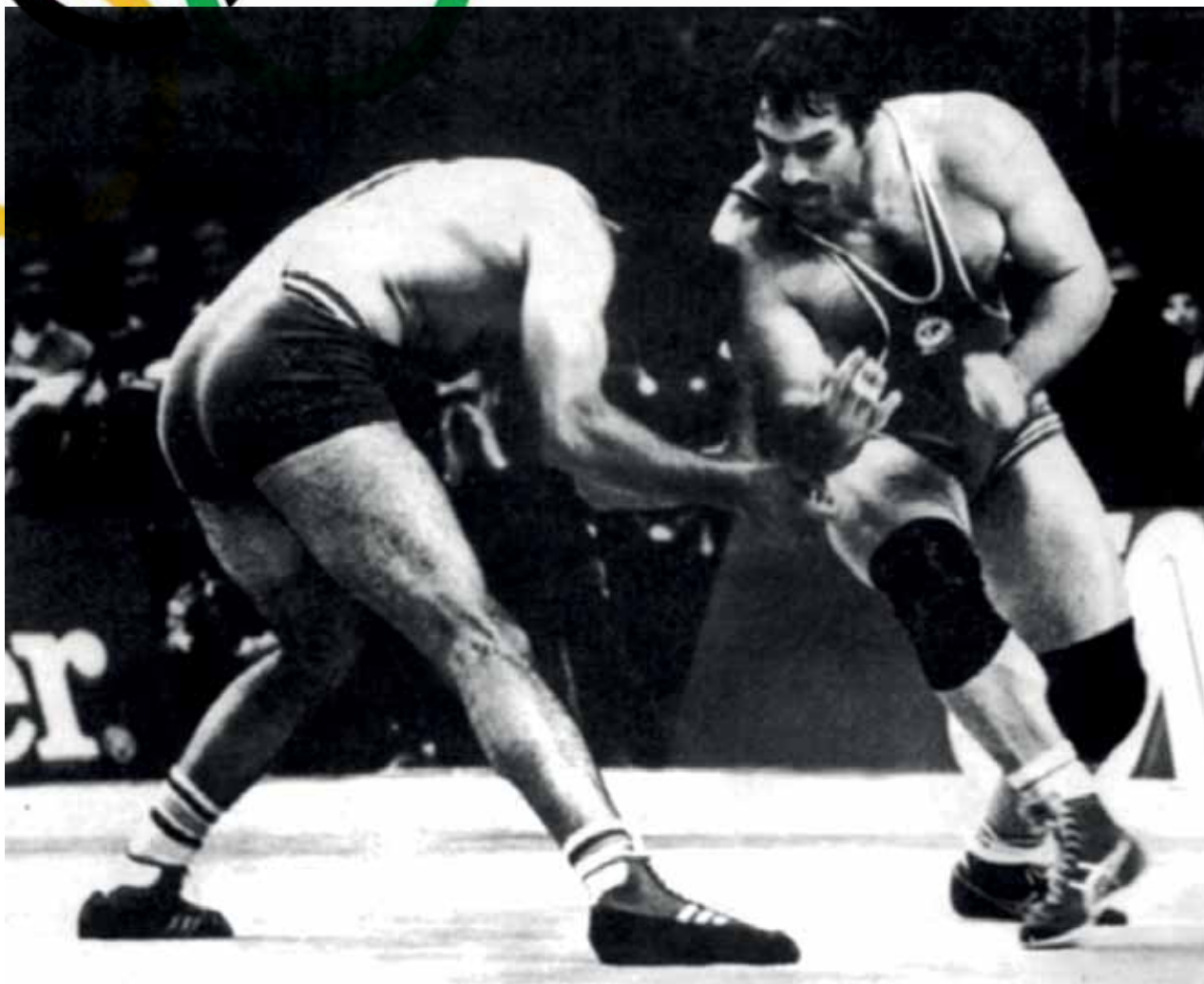
ВО ВЕСЬ ГОЛОС

Нынешний фестиваль был посвящен 120-летию Владимира Маяковского; мы ездили в Багдади, побывали в доме-музее, смотрели в Кутаиси спектакль театра Грибоедова «Облако в штанах»; из США приехала Нана Гонгадзе со своим документальным фильмом «Дочь поэта».

Фестиваль отмечал еще одну дату – 85-летие Нодара Думбадзе. «Русский клуб» издал книгу «Добрые стихи» - детские стихи Думбадзе на двух языках.

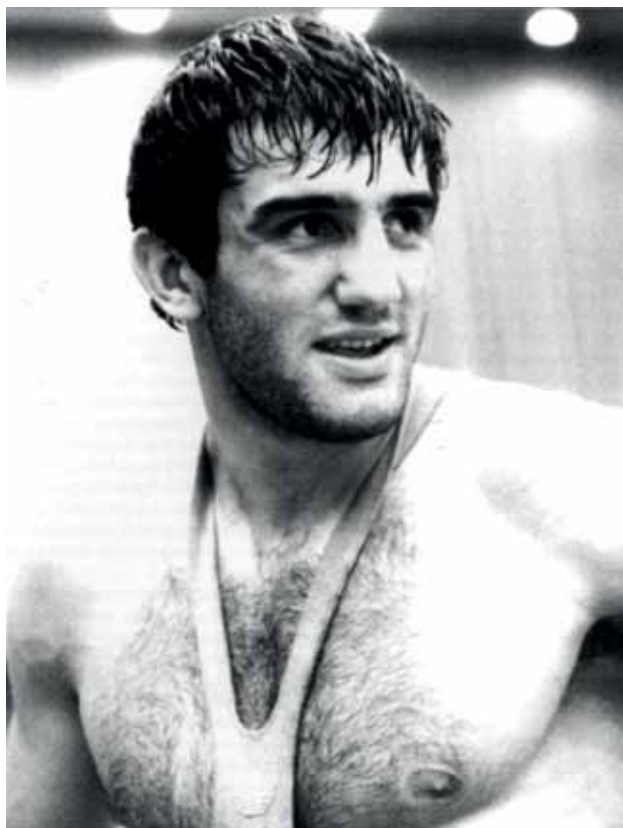
Сейчас редко отмечают юбилеи, помнят даты, празднуют дни рождения. Но фестиваль Николая Свентицкого и его «Клуба» все делает вопреки, вовлекая в орбиту своих поэтических интересов всю страну. Вот пространство наших выступлений: Тбилиси – Рустави – Гори – Ахалкалаки – Марнеули – Поти – Чохатаури – Озургети – Багдади – Кутаиси – Батуми – Кобулету – Хелвачаури – Кеда – Шуахеви – Мартвили – Зугдиди. И везде были не только полные залы, но и ломящиеся от яств столы, и кувшины, наполненные вином. В Грузии застолье без стихов, многоголосья и добрых слов – это не застолье. Здесь человек просто обязан быть счастливым. Но если не абсолютно счастливым – тогда поэтом, поэты умеют грустить, а когда светлая грусть становится стихами, то понимаешь, что именно они – стихи – норма звука и слова.

Елена СКУЛЬСКАЯ

▲ Поединок Давида Гобеджишвили (справа) и Брюса Баумгартнера

▼ Давид Гобеджишвили

ТАНК НА КОВРЕ

Истекали последние секунды финальной схватки борцов вольного стиля Давида Гобеджишвили и Брюса Баумгартнера, решавшей судьбу золотой олимпийской медали в тяжелом весе, и взволнованный Иван Ярыгин кричал: «Не своди меня с ума, парень, что ты вытворяешь!»

Миллионы телезрителей видели, как Давид помахал рукой и улыбнулся с экрана.

«Вернувшись в Тбилиси, - рассказывал потом Гурам Сагарадзе, - Давид сказал – это я тебе, моему наставнику, махал рукой. Потом встретил моего сына, своего крестника, и, оказывается, ему помахал. Жену мою увидел и ей, дескать! Кто знает кому что сказал!

В действительности же вот как было. Ведя со счетом 3:0, Давид на последней минуте применил тактический прием – сознательно позволил сопернику перевести себя в партер и отдал один балл. Бороться оставалось всего несколько секунд, и он взмахом руки успокоил старшего тренера Ярыгина – не беспокойся, все будет в порядке!»

Поражаешься выдержке и уверенности в собственных силах Давида, позволившего себе расслабиться с американским колоссом Баумгартнером. Оба выдающихся борца провели между собой с десяток поединков, и каждый был решающим, определяя достоинство награды, будь то чемпионат мира или Олимпийские игры.

В Сеуле олимпийское золото досталось Гобеджишвили.

Через четыре года в Барселоне от него ждали повторения пройденного. Они встретились в полуфинале, и 32-летний американец с немецкой фамилией понимал: победитель схватки – чемпион Олимпиады. А потому боролся предельно осторожно, с ничьей в кармане.

Не склонен был рисковать и грузинский атлет, ничья его устраивала. Но за семь секунд до финального гонга тренеры крикнули ему, что нужна только победа. Оказывается, более слабый борец победил сильного и спутал карты в споре фаворитов. Такая неожиданность в пылу схватки могла выбить из колеи кого угодно, и Давид от нее пострадал. Он бросился в неподготовленную атаку, прозевал нырок американца в ноги и последующий бросок. Проиграл один балл. И золото Олимпиады.

Это было крушение надежд, но тренеры убедили продолжать бороться за награду, и он победил чемпиона мира Андреаса Шредера, а в схватке за бронзовую олимпийскую медаль и турка Махмуда Демира, буду-

щего чемпиона Олимпиады-96 в Атланте. Преимущество Давида было явным. Сразу же набрал два балла, а под конец схватки еще дважды провел однобалльные приемы. Не смутила его даже травма, нанесенная ему соперником, боровшимся в жесткой манере.

Чемпионом в Барселоне стал Баумгартнер – легко справился с канадцем Дж.Тюе.

На пресс-конференции Брюс отметил, что эта победа для него – самая важная. Десятикратный чемпион США, пятикратный победитель розыгрыша Кубка мира понимал, что благополучно пройти Гобеджишвили на турнире любого ранга – путь к вершине. Нельзя не отдать должное его огромной спортивности и азарту. «Я уходил из спорта, - вспоминал трехкратный олимпийский чемпион по вольной борьбе в полутяжелом и тяжелом весах Александр Медведь, - а Баумгартнер уже боролся».

Брюс надеялся успешно выступить и на своей пятой Олимпиаде в Атланте, где он был знаменосцем американской спортивной делегации, сплошь состоящей из выдающихся спортсменов, но удача отвернулась от него. Он – только третий.

Их первая встреча состоялась в январе 1985 года в Ереване в матче СССР-США. И новичок советской сборной 22-летний Гобеджишвили победил чемпиона Олимпиады-84 в Лос-Анджелесе.

Все предыдущие схватки американца с советскими борцами заканчивались, как правило, в его пользу. Перед тренерами сборной стояла сверхзадача – найти надежного «тяжа», способного противостоять Брюсу Баумгартнеру, и Дато не подвел. После первой минуты он вел 5:0, во втором периоде устал – боролся с температурой – но был хорошо подготовлен и завершил встречу победно – 9:6.

В Ереване началась «эра Давида Гобеджишвили» в тяжелом весе. А в полутяжелой весовой категории

▼ Братья Давид и Паата с родителями – Гаганой и Николозом Гобеджишвили

▲ Давид Гобеджишвили, Гурам Сагарадзе и Лери Хабелов

все эти годы доминировал его друг и соотечественник великий Лери Хабелов.

Самородок из горной Рачи начинался так. Родился 3 января 1963 года в красивейшем селе Хурути. В 12 лет стал заниматься борьбой у Шуры Майсурадзе. В любую погоду высокий, худой паренек спускался по крутому склону и выходил на автомобильную дорогу, ведущую в Они. От районного центра родное село отделяли несколько километров. Здесь в комнатке подвального типа постигал «школу» у Майсурадзе будущий олимпийский чемпион.

Потом были Кутаиси, учеба в строительном техникуме, два года тренировок у Мурада Дохтуришвили. (Оба тренера за подготовку олимпийского чемпиона удостоены звания заслуженного тренера СССР.)

Давид быстро набирал недюжинную силу и рост. Он выиграл первенство Грузии среди юношей, когда его призвали в армию.

Тогда же, в Кварели, состоялись давидовы смотрины в большом борцовском мире и судьбоносная встреча со старшим тренером сборной Грузии Гурамом Сагарадзе, который отбирал перспективных талантливых молодых ребят.

Состоялся интересный диалог. «Дато, знаешь ли ты меня?», - спрашивает вице-чемпион Токийской олимпиады и двукратный чемпион мира. «Как же не знать, вас знает весь мир», - сказал, улыбаясь, Дато. На тех соревнованиях он умудрился провести прием, изумивший зрителей, включая Сагарадзе, которого победы в Токио лишила досадная неудача: показатели трех финалистов оказались равными, и все решил фактор собственного веса.

Договорились о встрече в Тбилиси. Проходя службу в армии, Давид занимался у старшего друга. Огромный соревновательный опыт Сагарадзе, терпеливая работа с юношей на тренировках ускорили стремительный рост результатов. После победы в Сеуле Гобед-

жишвили позвонил домой, Сагарадзе: «Ревазович, ты не стал олимпийским чемпионом, но разве это не одно и то же? В моей победе есть твой большой успех. Это действительно так, когда я под диктовку собственной интуиции выбрал себе в наставники борца-великана».

На протяжении десятков лет Давид оставался благодарным учеником того, кто стал неразлучным спутником жизни, наставником и старшим другом, отмечая: на примере Гурама Ревазовича выросли многие борцы, участь у него, кроме спортивного мастерства, стремлению к победе, человеколюбию и благородству.

Сеульскую олимпиаду Давид прошел на одном дыхании, сакрушая сильнейших тяжеловесов мира. Победил сирийца Этьена Дениза со счетом 17:0, положил на лопатки японца Хироюки Обата. В третьем круге его соперника немца Ральфа Бремера судьи сняли за пассивность при счете 10:0 в пользу Давида. С таким же счетом был побежден опытный венгр Ласло Клаус, а болгарин Атанас Атанасов – с привычным для него счетом 8:0. В финале, как мы знаем, настало время огорчаться Брюсу Баумгартнеру.

Теперь вернемся к началу восьмидесятых, где мы оставили нашего героя. На календаре – 1983 год. Москва. 8-я Спартакиада народов СССР. В тяжелом весе от Грузии выступал Джемал Тариеладзе, который в финале совсем немного уступил участнику сборной Москвы, одному из сильнейших борцов мира Салману Хасимикову. На параллельном комитетовском турнире Давид Гобеджишвили победил Владимира Паршукова из Сыктывкара – трехкратного чемпиона СССР и чемпиона Европы-77, абсолютного чемпиона страны-79.

Давида включили в состав сборной страны и он принялся доказывать, что тренеры не ошиблись – выиграл Кубок СССР и чемпионат страны, но на главные старты года путь ему закрыт – Кремль бойкотировал Олимпиаду в Лос-Анджелесе, больно ударив по интересам отечественных спортсменов.

Следующий, 1985 год стал для Давида Гобеджишвили поистине победоносным, когда он выиграл золотые медали чемпиона СССР, Европы и мира.

По итогам года его признали лучшим спортсменом Грузии. Как и в 1990-м, после победы на чемпионате мира в Токио, где он отодвинул на второе место Баумгартнера, выиграв у него в финале 2:0.

Он лучший и среди участников «мира»-85 в Будапеште. В первом круге одержал победу над австрийцем Габриэлем Тотом за три минуты с мелочью, а затем – над Баумгартнером со счетом 9:3. Потом стал класть всех подряд – за чуть больше минуты – участника чемпионатов мира кубинца Д.Меса, чемпиона мира Андреаса Шредера, чемпиона Европы венгра Йожефа Баллу.

Но пусть не создается у читателя мнение, что Давид легко справлялся с великим Брюсом. Были, конечно, и чувствительные поражения. Так, на чемпионате мира в Будапеште он – второй. При счете 2:2 Давид в схватке с Баумгартнером рискнул, бросил прогибом, но после контрприема остался на мосту, и в итоге проиграл.

В коллекции американца четыре олимпийские медали – две золотые (Лос-Анджелес, Барселона), одна серебряная (Сеул) и одна бронзовая (Атланта). У Давида их две – золотая и серебряная. После десяти встреч общий счет в пользу американца, но по результатам медальных соревнований больше побед у грузинского борца. Сам же считает, что его главный соперник – сильный борец и хороший парень.

▼ С Гиви Картозия

Придается все, даже победы. И в какой-то момент Давид вроде пресытился ими, сбавил нагрузки на тренировках, и расплата последовала незамедлительно.

В 1987 году Аслан Хадарцев оттеснил Давида с места первого номера в сборной. После выигрыша у него финальных схваток Тбилисского международного турнира и чемпионата страны в Воронеже.

Могучий ташкентец едет на чемпионат мира во французский город Клермон-Ферран и выигрывает его, оставив А.Шредера и Б.Баумгартнера на втором и третьем местах.

Давид не думает сдаваться, тренируется, не давая себе поблажек. Он выигрывает тбилисский турнир и чемпионат страны в городе Орджоникидзе, Кубок мира в Толидо, где кумир американцев Брюс Баумгартнер был им побежден дома с астрономическим счетом 11:3.

Казалось бы, все ясно. Но не для тренеров сборной. И тогда судьбу путевки на Олимпийские игры в Сеуле решили разыграть в контрольной схватке Гобеджишвили-Хадарцев.

В этом богатырском поединке после основных шести минут счет так и не был открыт. Иван Ярыгин, старший тренер, предлагает бороться до балла. На 31-й минуте Давид проходит в ногу и сбивает Аслана вниз. Есть проходной балл! И добыт он в труднейшем в его жизни поединке.

Победитель потом вспоминал: думал, что упадет и не встанет. Не лучше чувствовал себя и Хадарцев.

Давид признался, что среди многих причин его поражения на второй Олимпиаде в Барселоне одна – гибель Аслана Хадарцева. Без него некому было держать его в тонусе, как это было перед Сеулом. Запала соперничества с Асланом Давиду хватило до выигранного чемпионата мира 1990 года, после чего он был лишь призером. И подводит черту под скорбным признанием: не случись трагедия с Асланом, один из их дуэта еще не раз огорчил бы тяжеловесов других стран.

Давид Гобеджишвили рано ушел из спорта. После Барселоны, в двадцать девять лет, в возрасте, когда борца распирает от избытка сил. Сам считает, что мог бы бороться вплоть до Олимпиады-96 в Атланта, но уйти на пять минут раньше лучше, чем на пять минут позже.

Наследник традиций легендарного Арсена Меккишвили, заслуженный мастер спорта СССР, олимпийский чемпион, двукратный чемпион мира, трехкратный – СССР и Кубка мира, победитель первенства СНГ, розыгрыша Кубка СССР, Игр Доброй воли и других крупнейших международных турниров, кавалер орденов Вахтанга Горгасала 2-й степени, Чести, НОК Грузии. В 1994 – 2000 гг. он – президент Федерации борьбы. Член исполкома Национального Олимпийского Комитета Грузии. Принял этот пост в труднейший для отечественного спорта период, когда приходилось рассчитывать только на свои силы, изыскивать все возможности, которые, тем не менее, оставались каплей в море, уповать с надеждой на борцовские гены грузин, да еще на Божью волю. С 2002 года – заместитель председателя Департамента спорта Грузии. Оставил эту должность по причине, далекой от спорта.

Его победы на мировом ковче, когда он играючи справлялся с гигантами-тяжеловесами, танком утюжил, делал с ними что хотел, еще долго будут поражать воображение.

Арсен ЕРЕМЯН

▲ В этом доме Пушкин жил в Тифлисе

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

«Смуглый отрок бродил по аллеям...» Кому не известна эта строка Анны Ахматовой и продолжающие ее слова о том, что «столетие мы лелеем еле слышный шелест шагов»? А, ведь, шелест шагов того человека, правда, уже ставшего 30-летним, лелеют и тбилисские аллеи, в том числе и в Сололаки. Одни из них, пусть в измененном виде, сохранились – как в парке бывшего Дворца наместника Кавказа. Другие стерло время – как в знаменитой усадьбе Прасковьи Ахвердовой, куда мы с вами, дорогие читатели, уже не раз заглядывали. На месте ее сегодня столь символично высится Дом писателей Грузии. Как бы то ни было, факт остается фактом: в 1829 году и в Тифлисе «иглы сосен густо и колко устилают низкие пни» перед Пушкиным. И в прихожих домов тифлисцев, восторженно принимающих его, лежит уже не лицейская треуголка, воспетая Ахматовой, а модный цилиндр a la Bolivar, на столах

кабинетов – не «растрепанный том Парни», а томики самого Александра Сергеевича...

Между тем, в поездку на Кавказ Пушкин отправляется далеко не в самом лучшем настроении. Тяжелым гнетом давит негласный, но бдительный взгляд «государева ока» - жандармского ведомства графа Бенкендорфа. На личном фронте – неудача: в конце апреля рука и сердце предложены Наталье Гончаровой, но ее мать заявляет, что девушка слишком молода, и это, по признанию Пушкина, сводит его с ума. В общем, больше оставаться в Петербурге поэт не может. В поездке за границу ему отказано, он просится на войну с турками, но ответ категоричен: «Государь благосклонно принял ваш вызов, но изволил отозваться, что, так как все места в армии уже заняты, то Его Величество воспользуется первым случаем употребить отличные дарования ваши на пользу отечества». Однако Пушкин

▲ Александр Пушкин

уже решил: «или на войну», или «вон из России». И, не спрашивая высочайшего повеления, он берет подорожную в Тифлис.

Маршрут – традиционный для русских литераторов, в жизни которых вольнолюбивый Кавказ во все времена играет особую роль. К тому же, ему есть с кем встретиться – в Грузии служат его брат Лев, Николай Раевский, с которым Пушкин подружился еще в юности, друзья-лицейсты, брат Пущина – Михаил, другие близкие люди, в том числе и сосланные декабристы. Да еще появляется возможность отдать дань популярнейшему тогда жанру – описанию путешествия. В общем, исполняется давняя мечта – еще за год до того, как он покинул северные берега ради южных гор, его ближайший друг Петр Вяземский писал жену: «Пушкин едет на Кавказ и далее, если удастся...»

И вот, Пушкин стремится как можно скорее попасть в столицу Грузии: «Мне предстоял путь через Курск и Харьков; но я своротил на прямую Тифлисскую дорогу, жертвуя хорошим обедом в курском трактире (что не безделица в наших путешествиях) и не любопытствуя посетить Харьковский университет... Нетерпение доехать до Тифлиса исключительно овладело мною». В бричке, в почтовой коляске, просто верхом он преодолевает тысячи верст. А, не дождавшись в Пасанаури лошадей, немалый путь до Ананури, а потом и до Душети вообще проходит пешком, в одиночку, по колено в грязи, почти в полной темноте. Между тем, в Тифлисе его уже ждут. Прочтем послание, которое Тифлиссский военный губернатор Степан Стрекалов получает от исполняющего должность начальника штаба Отдельного кавказского корпуса Дмитрия Остен-Сакена почти за три недели до появления Пушкина в этом городе: «Известный стихотворец, отставной чиновник X класса Александр Пушкин отправился в марте месяце из С.-Петербурга в Тифлис, а как по высочайшему его имп. величества повелению состоит он под секретным надзором, то, по приказанию его сиятельства, имея честь донести о том вашему превосходительству, покорнейше прошу не оставить распоряжением вашим о надле-

жащем надзоре за ним по прибытии его в Грузию». Его сиятельство – это главнокомандующий Корпусом граф Иван Паскевич, фактически – наместник края.

А вот у тифлисской интеллигенции, с которой власти (впрочем, не только в те времена и в той стране) не так уж часто делятся информацией «государственной важности», – свои, неутешительные сведения. Открыв первую русскую официозную газету в Закавказье «Тифлисские ведомости», мы увидим, как огорчается 26 апреля ее издатель и редактор Павел Санковский: «Мы ожидали сюда одного из лучших наших поэтов, но сия надежда, столь лестная для любителей кавказского края, уничтожена последними письмами, полученными из России». К счастью и для Грузии, и для Александра Сергеевича, огорчения напрасны. Практически через месяц после появления этой информации, в 11 часов вечера 27 мая, Пушкин впервые въезжает в Тифлис.

Приезжает он не один, с ним несколько попутчиков, в том числе – юный Николай Потокский, единственный не доехавший до Тифлиса верхом. В дороге он сильно простудился и, по его словам, именно «Александр Сергеевич позаботился о тележке, уложил меня на сено и так доставил полуживого в Тифлис». Путники, разместившись в единственной тогда тифлисской гостинице Поля Матасси, наутро отправляются в армию. А оставшийся в городе Пушкин несколько дней продолжает навещать больного. С этого отнюдь не поэтического занятия и начинается его пребывание в Тифлисе. Останавливается он неподалеку, в доме Цуринова на Эриванской площади, которая только начала застраиваться у подножья Солотакской возвышенности. Линия, где стоял этот дом до 1895 года, по сей день называется Пушкинской улицей.

Не будем на этих страницах в очередной раз повторять все, впечатлившее в Тифлисе великого поэта. Описания «Жаркого города», его жителей, нравов, базара, серных бань и прочая, прочая, прочая, конечно же, лучше всего перечислить непосредственно в «Путешествии в Арзрум». Мы же позволим себе остановиться на двух моментах. Первый: «Генерал Стрекалов, известный гастроном, позвал однажды меня обедать; по несчастию, у него разносили кушанья по чинам, а за столом сидели английские офицеры в генеральских эполетах. Слуги так усердно меня обносили, что я встал из-за стола голодный. Черт побори тифлиского гастронома!» С высоты нашего времени зная, что именно этот «гастроном» и есть тот самый Степан Стрекалов, которому поручен «надлежащий надзор» за поэтом, можно предположить: в тот день в его доме показательно «разносили кушанья по чинам». Ведь «неблагонадежный» должен был знать свое место в компании бравых генералов... Второй момент намного ближе к нашим дням: «В Тифлисе удивила меня дешевизна денег. Переехав на извозчике через две улицы и отпустив его через полчаса, я должен был заплатить два рубля серебром. Я сперва думал, что он хотел воспользоваться незнанием новоприезжего; но мне сказали, что цена точно такова. Все прочее дорого в соразмерности». Нынешние тбилисцы, с их мизерными доходами, несомненно, согласятся, что с пушкинских времен с ценами мало что изменилось.

А вот на другом торжественном приеме при полном присутствии чопорной местной знати поэт, говоря современным языком, «оттянулся по полной». Слово князю Е.Палавандову: «Наша грузинская аристократия приготовила в Тифлисе роскошный пир в честь нового наместника, графа Паскевича. За почетным обедом, между прочим, для парада прислуживали сыновья самых родовитых фамилий в качестве пажей... Я был поражен и не могу забыть испытанного изумления: резко бросилось мне в глаза на этом обеде лицо одного молодого человека... Он был во фраке и белом жилете... за стол не садился, закусывал на ходу... Шутки

▲ Г.Исаев. «Пушкин в Тифлисе»

составляли потом предмет толков и разговоров во всех аристократических кружках: откуда взялся он, в каком звании состоит и кто он такой, смелый, веселый, безбоязненный?.. Когда указали, что он русский поэт, начали смотреть на него, по нашему обычаю, с большею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтение, как отмеченному божьим перстом, если бы только могли примириться с теми странностями и шалостями, какие ежедневно производил он... Не вяжется представление, не к таким видам привыкли. Наши поэты степеннее и важнее самих ученых». Ох, дорогие читатели! С последней фразой князя – о поэтах – можно безоговорочно согласиться и сегодня.

Пушкин же, далекий от той бронзовой непогрешимости, в которую его так стараются облачить, ежедневно шалит и на тифлиских улицах, «ни на кого и ни на что не обращая внимания». Больше всего он любит приходить на Армянский базар – нынешнюю улицу Леселидзе. Там его можно застать в обнимку с продавцом-татаринном, в перетаскивании огромной охапки чурек и в иных «неподобающих» званию поэта деяниях. На других базарах он «якшается» с не блещущими чистотой рабочими-мушамы, на улицах затевает с мальчишками чехарду, а на Эриванскую площадь выходит «в шинели, накинутаю прямо на ночное белье, покупая груши, и тут же, в открытую и не стесняясь никем, поедая их». Да и вообще, «перебегает с места на место, минуты не посидит на одном, смешит и смеется»... В общем, по признанию чинных горожан, он «заставил говорить о себе и покачивать многотумно головами не один год потом».

Совсем по-иному вспоминают его в домах местной интеллигенции. «В бытность Пушкина в Тифлисе, общество молодых людей, бывших на службе, было весьма образованное и обратило особенное внимание Пушкина, который встретил в среде их некоторых из своих лицейских товарищей. Нужно ли говорить о том, с каким восторгом приветствовали все Великого Поэта на чужбине? Всякий, кто только имел возможность, давал ему частный праздник или обед, или вечер, или завтрак, и, конечно, всякой жаждал беседы с ним», - свидетельствует почитатель поэта Константин Савастьянов. Да и

у самого поэта – приятные воспоминания: «В Тифлисе я пробыл около двух недель, познакомился с тамошним обществом. Санковский, издатель Тифлиских Ведомостей, рассказывал мне много любопытного о здешнем крае, о князе Цицианове, о А.П. Ермолове и проч... Они вообще нрава веселого и общежительного... Голос песен грузинских приятен».

Вот и переводит он одну из таких песен – «Ахало агнаго», публикуя ее в «Путешествии в Арзрум». Автор и грузинское название там не указаны, однако установлено, что слова написаны поэтом начала XIX века Дмитрием Туманишвили, и грузинский текст с подстрочником хранятся в архиве Пушкина под названием «Весенняя песня». А еще в черновиках «Путешествия...» встречается имя выдающегося поэта Александра Чавчавадзе, неправильное написание его фамилии Александр Сергеевич даже выправил в одной из французских публикаций. Так что, многие исследователи предполагают, что гость Тифлиса побывал и в семье Чавчавадзе – тестя столь дорогого пушкинскому сердцу Александра Грибоедова. Может, не случайно именно Чавчавадзе первым перевел на родной язык пушкинское стихотворение. Это – «Пробуждение», уже на следующий год после отъезда русского поэта напечатанное в газете «Тбилисис уцхбани» (грузинская версия «Тифлиских ведомостей»).

Но, при всем этом, в городе Пушкину не сидится, и его можно понять: всех близких и друзей, к которым он так стремился, здесь не оказалось, они – на турецком

▲ А.Пушкин. Автопортрет. 1829

фронте. Поэтому 10 июня, как только от Паскевича поступает разрешение ехать в действующую армию, поэт отправляется в путь, чтобы второй раз появиться в Тифлисе почти через два месяца. И лишь после его отъезда в армию, 28 июня, мы сможем прочесть в «Тифлиских ведомостях» сообщение о пребывании поэта в Грузии: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе; желая видеть войну, он испросил дозволение находиться в походе при действующих войсках, и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означил произведениями достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в Бессарабии – Цыган, во внутренних провинциях списал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А.Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани». Почему эта заметка появилась с

таким опозданием, когда Пушкин был уже в Арзруме? Скорее всего, редактор ждал «отмашки» от Паскевича, ведь речь шла о поднадзорном, да еще приехавшем без разрешения.

...И вот, на календаре – первое августа. Тот самый юный Николай Потокский, которого Пушкин на телеге привез в Тифлис, уже выздоровел и, в очередной раз сидит в гостях у редактора Санковского. Разговор за чаем, как всегда, заходит о Пушкине – что он теперь делает, здоров ли он? И тут с шумом распахивается дверь, в комнату влетает Александр Сергеевич, бросается в объятия хозяина дома. Свое скорое возвращение из армии объясняет так: «Ужасно мне надоело вечное хождение на помочах этих опекунов, дядек; мне крайне было жаль расстаться с моими друзьями, но я вынужден был покинуть их. Паскевич надоел мне своими любезностями; я хотел воспеть геройские подвиги наших молодцов-кавказцев; это – славная часть нашей родной эпопеи, но он не понял меня и старался выпроводить из армии. Вот я и поспешил к тебе, мой друг, Павел Степанович». В последующие дни они вновь встречаются, гуляют по городу, поднимаются на еще свежую могилу Грибоедова, «перед коей Александр Сергеевич преклонил колена и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы».

Во второй свой приезд поэт останавливается у лицейского друга Владимира Вольховского. Тот – оберквартирмейстер Кавказского корпуса и живет в здании Комендантского управления (теперь там стоит кинотеатр «Руставели»). Пушкину есть о чем рассказать другу – и о том, как он повидал в действующей армии всех, кого хотел, и о том, как не сложились отношения с графом Паскевичем. Генерал мечтал, что знаменитый пиит воспет его воинские подвиги, но пушкинская муза не согласилась на это. Потому-то поэт так быстро и уехал с фронта. Но в Тифлисе жалеть об этом ему не приходится – короткий приезд заполнен интереснейшими встречами в светских гостиных. А верх гостеприимства проявляется в одном из легендарных Ортачальских садов. «Наконец, все общество, соединившись в одну мысль, положило сделать в честь его общий праздник», - свидетельствует все тот же Савостьянов. Тифлисский кутеж, да еще в Ортачальских садах – это такое сочетание, что нам стоит заглянуть туда. Тем более что организаторы задумали праздник в «европейско-восточном стиле».

...Сад, в котором собралось больше тридцати человек, освещают разноцветные фонари и свечи, в центре его – огромный вензель Пушкина. Гостя встречают

▲И.Вепхвадзе. «Пушкин в Тифлисе»

всеобщим громогласным: «Ура!», после которого каждый стремится выразить свои чувства. Затем в дело вступают певцы и музыканты всех живущих в Грузии народов «и все европейские, западное смешалось с восточноазиатским разнообразием в устах образованной молодежи». А за столом тосты перемежаются с обсуждениями самых различных тем, рассказами, анекдотами. Сам Пушкин в ударе – прерывает серьезные разговоры, чтобы присоединиться к пляске, восхищает всех «своими милыми рассказами и каламбурами». Таким счастливым Тифлис его еще не видел, он «приводил в восторг всех, забавляя, восхищал... был не только говорлив, но даже красноречив...»

Как и полагается, застолье длится до утра. «Небо начало румяниться», когда, уже не под кахетинское, а под шампанское, поднимается тост за Пушкина. Европейский оркестр грянул музыку из оперы француза Франсуа Буальдьё «Белая дама» и на «русского Торкватто» возлагается венок. Гостя поднимают на плечи, усаживают на возвышение, каждый подходит к нему с заздравным бокалом. В ответ он молчит, но на глазах его – слезы. А затем – ответная «стройная благоуханная речь», завершившаяся так: «Я не помню дня, в который бы я был веселее нынешнего; я вижу, как меня любят, понимают и ценят, - и как это делает меня счастливым!» И объятия с собравшимися...

В «Путешествии в Арзрум» всего несколько строк о втором приезде в грузинскую столицу: «В Тифлис я прибыл 1-го августа. Здесь остался я несколько дней в любезном и веселом обществе. Несколько вечеров провел я в садах при звуке музыки и песен грузинских». Мы же, открыв 32-й номер «Тифлисских ведомостей», прочтем: «6 августа А.Пушкин, возвратившийся из Арзрума, выехал из Тифлиса к Кавказским минеральным водам. Любители изящного должны теперь ожидать прелестных подарков, коими гений Пушкина, возбужденный воспоминаниями о Закавказском крае, без сомнения наделит литературу». Кстати, автору этой информации Санковскому Пушкин пишет уже из Петербурга, объясняя, почему вовремя не прислал для публикации стихотворение «Калмычке», написанное по пути в Грузию. И добавляет: «Я же обязан вам большой благодарностью за присылку Тифлисских

▲ Ортачальские сады. 1820-е гг.

ведомостей – единственной из русских газет, которая имеет свое лицо и в которой встречаются статьи, представляющие действительный, в европейском смысле, интерес». Согласитесь, такая оценка тифлисского издания из пушкинских уст дорогого стоит. А теперь, давайте, заглянем в еще одну переписку – вскоре после того, как поэт вернулся с Кавказа.

Шеф жандармов, Главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф Александр Бенкендорф: «Милостивый государь, Александр Сергеевич! Государь император, узнав по публичным известиям, что Вы, милостивый государь, странствовали за Кавказом и посещали Арзерум, высочайше повелеть мне изволил спросить Вас, по чьему позволению предприняли вы сие путешествие. Я же, с своей стороны, покорнейше прошу Вас уведомить меня, по каким причинам не изволили Вы сдержать данного мне слова и отправились в закавказские страны, не предупредив меня о намерении вашем сделать сие путешествие. В ожидании отзыва Вашего для доклада его императорскому величеству, имею честь быть с истинным почтением и преданностью, милостивый государь, ваш покорный слуга А.Бенкендорф. Его высокоблагородию А.С. Пушкину».

Из ответа, который Пушкин написал на французском: «Генерал, с глубочайшим прискорбием я только что узнал, что его величество недоволен моим путешествием в Арзрум... Приехав на Кавказ, я не мог устоять против желания повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку и с которым я был разлучен в течение 5 лет. Я подумал, что имею право съездить в Тифлис. Приехав, я уже не застал там армии. Я написал Николаю Раевскому, другу детства, с просьбой выхлопотать для меня разрешение на проезд в лагерь. Я прибыл туда в самый день перехода через Саган-лу и, раз я уже был там, мне показалось неудобным уклониться от участия в делах, которые должны были последовать; вот почему я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника. Я понимаю теперь, насколько положение мое было ложно, а поведение опрометчиво; но, по крайней мере, здесь нет ничего, кроме опрометчивости. Мне была бы невыносима мысль, что моему поступку могут приписать

иные побуждения... Я покорнейше прошу ваше превосходительство быть в этом случае моим провидением и остаюсь с глубочайшим почтением, генерал, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга. Александр Пушкин».

Думается, что после фразы «моему поступку могут приписать иные побуждения» самое время вспомнить уже слышанные слова «вон из России» и «Пушкин едет на Кавказ и далее, если удастся...» Куда это «далее?» Значит, не случайно бытует мнение, что кавказская поездка поэта не исключала попытку отправиться из Тифлиса, говоря по-современному, в дальнее зарубежье? Все может быть, Пушкин непредсказуем...

Как бы то ни было, столица Грузии гордится тем, что стала яркой страницей жизни великого русского поэта. В этом крае он встретил свое тридцатилетие, по словам Викентия Вересаева, путешествие на Кавказ стало последней главой его молодости... Легенды о том, как Пушкин гулял по Тифлису живут до сих пор, мраморная доска на «Чрели абано» хранит его восторженное высказывание о серных банях, в Пушкинском сквере стоит бюст поэта, установленный в 1892 год на деньги, собранные горожанами. Это – пятый памятник Александру Сергеевичу в Российской империи, город над Курой установил его после Москвы, Петербурга, Кашинева и Одессы, по праву войдя в список пушкинских мест. А через семь лет после этого в Тифлисе издали ставший раритетом сборник «Кавказская поминка о Пушкине» с уникальными материалами о пребывании поэта на Кавказе...

Можно еще долго перечислять свидетельства того, как Тбилиси любит и помнит Пушкина. Можно еще раз вспоминать, в каких произведениях отразилось пушкинское пребывание на Кавказе. Можно перечислять и перечислять, что сказали и написали о Пушкине грузинские литераторы и исследователи... Но все это отлично изложено на других страницах. А в завершении этой мы просто вспомним слова поэта, с грустью сказанные при расставании с Грузией: «Прощай, волшебный край!» Уж что-то, а эпитеты для того, чтобы выразить свои чувства, Александр Сергеевич всегда находил очень точные...

Владимир ГОЛОВИН

▲ Архимандрит Адам

ПУТЬ В НАУКЕ И РЕЛИГИИ

Архимандрит Адам (в миру Вахтанг Михайлович Ахаладзе), доктор медицинских наук, профессор, председатель департамента здравоохранения Грузинской Патриархии, ректор Университета им. Святой царицы Тамары, поэт. Автор пяти книг, поэтического сборника, более 60 научных трудов и 70 художественных и публицистических статей.

- С ранних пор вы обнаружили в себе два призвания – религия и медицина. Не создавали для вас препятствий уже занятия в школе?

- Я был секретарем комсомольской организации в своей батумской школе, и никаких антирелигиозных действий мы не совершали. Где-то звучало слово «атеизм», но нас оно не касалось. Мы знали обычаи и считались с ними в быту, проходили через обряд крещения, кресты были аккуратно сложены дома, мы прикладывались к ним, но на себе не всегда носили. И, тем не менее, религиозное чувство жило. Помню, в седьмом классе мы отправились на экскурсию в Кутаиси, посетили пещеры Сатаплия, затем Гелатский монастырь. Там каждый поставил свечку, и никому из учителей не пришло в голову остановить нас; более того, тогда я не обратил внимания, а теперь понимаю – они, несомненно, делали то же, что и мы.

- Ваша семья была верующей?

- Флагманом веры была бабушка Ольга Семеновна Чхиквадзе. Племянница трех протоиереев, она старалась приобщить нас к знаниям, отложившимся в памяти со времени изучения Закона Божьего в школе. У этой удивительной женщины (с нею связано много поэтических образов в моем творчестве) была своя культура общения с церковью. Собираясь о чем-то попросить Бога, она собственноручно изготовляла свечу в рост того, за

кого собиралась просить, шла в Никольскую церковь и молилась перед иконами с зажженной свечой в руке, пока она не догорала. Впоследствии мне приходилось слышать от многих верующих, побывавших на Иверской земле, как при такой пламенной вере грузин обряд богослужения сохранился в русских храмах, а в грузинских он перестал действовать. Я объяснял, что при малочисленности русскоязычного населения церковная служба на славянском не представляла опасности для государственной политики, а основную массу населения нужно было держать вне церкви.

- С какого времени вы решили посвятить себя служению Церкви? Ведь в студенчестве главным делом своей жизни вы считали медицину?

- Однажды, на втором курсе, в разгар рассуждений о поисках места в жизни, меня вдруг осенила мысль о том, что разумнее всего было бы уйти из института и поступить в духовную семинарию. Я решил это совершенно серьезно, но тогда плохо представлял, что за этим стоит. Я даже не знал, где находилась семинария. Продолжая учебу, в 1985 году с отличием окончил институт, и вместе с четырнадцатью другими выпускниками был направлен для продолжения учебы в клиническую ординатуру Института сердечно-сосудистой хирургии им. Бакулева в Москве.

- Над чем вы тогда работали?

- Мы занимались не только медициной. Профессора нас убеждали: недостаточно быть только врачом даже самого высокого класса, необходимо всесторонне расширять свои знания. И я с головой окунулся в художественную жизнь и чтение уже в студенческие годы, а будучи в Москве, старался быть в курсе всех знаменательных событий. Меня одинаково увлекали оперные и

балетные спектакли, постановки драматических театров, концерты в Большом зале консерватории и зале Чайковского. Если я что и обходил стороной – так это концерты поп-музыки. Вообще период перестройки, с которым совпало мое пребывание в столице, ознаменовался бурным всплеском выдающихся художественных явлений. Это было настолько грандиозно, что защита диссертации оттянулась года на полтора – все время отбирало стояние в очередях за билетами. Мой непосредственный руководитель, очень умная, талантливая, видный врач и ученый Марина Вадимовна Затевахина, порой выговаривала мне за медлительность в продвижении научной работы, на что я ей отвечал: «То, что сейчас происходит в художественном мире Москвы, нельзя упускать – такое не останешься и не увидишь повторно, а диссертация подождет». Театральная жизнь так завладела мной, что я решил стать режиссером, и ни о чем другом уже не помышлял. «Господи, - думал я, - как мне быть, неужели я, в самом деле, смогу отказаться от медицины?»

- *Каким театрам и каким режиссерам вы отдавали предпочтение?*

- В академические театры – МХАТ, Малый, Вахтанговский ходил нечасто. Очень любил Театр на Таганке, Ленком. Много внимания отдавал приезжавшим на гастроли зарубежным труппам. Не любил искусственно модернизированные спектакли, загонявшие авторскую мысль в немыслимые одеяния персонажей и уродливый декор. Меня увлекал Эфрос. Потрясающим считаю его «На дне» с незабываемым голосом Высоцкого. А каким милым, каким человеческим был спектакль «Дорогая моя Памела!» Марка Захарова. Но самые сильные впечатления, пожалуй, связаны с театром Петера Штайна; я имел счастье видеть его великолепный «Вишневый сад». Достигнутый режиссером уровень игры на сцене единого актерского ансамбля, очарование декорации, магнетически вовлекающей в чудный мир чеховского сада, долго властвовали мной.

- *Все, что вы сказали, интересно и поучительно. Я задала этот вопрос, помня о том, что в 2009 году вас избрали действительным членом Грузинской академии гуманитарных наук и изящных искусств. А теперь расскажите, пожалуйста, о медицине, - в какой области вы специализировались? Поначалу вы занимались хирургией.*

- Это было так, но потом я перешел в анестезиологию и реаниматологию, так как это для меня требовало относительно меньших затрат сил и времени, чем хирургия. Тогда я уже чувствовал, что придется заниматься не только медициной.

- *А как шел при этом ваш духовный рост? Были в Москве интересные встречи с церковными служителями?*

- Были, но не это имело решающее значение. Я много работал над собой. Покупал иконы, духовные книги, которые стали выходить в большом количестве, но явно отставал от тех моих друзей, которые прилежно постились, ходили на церковные службы, причащались. Перелом наступил после возвращения в Грузию. Во мне вдруг проснулось страстное желание пройти через исповедь. Я попросил однокурсницу отвести меня к отцу Георгию Гамрекели. Он сразу меня принял. Так началась моя церковная жизнь. Значение общения с отцом Георгием (ныне митрополитом Иоанном) трудно переоценить... Я стал ходить в церковь, и вскоре бесспорно решил стать церковнослужителем, монахом. Веру в правильности такого решения позже подтвердил случай из моей практики, как врача-анестезиолога. Я стоял в операционной над больным. Любая операция это определенная агрессия в отношении человеческого организма, и моя профессиональная обязанность защитить его. Я смотрю на аппараты, к которым подключено тело больного, слежу за их показателями, ввожу соответствующие ме-

дикаменты и мысленно задаю вопрос: неужели жизнь человека зависит только от этих трубочек? Конечно, зависит – ведь стоит отключить какой-нибудь участок, что-то перерезать, пережечь, и все кончено! И тут у меня возникает ощущение, что и я, и больной и вся эта аппаратура связаны таинственными нитями с высшим миром и что мне дано руководить, направлять этим процессом через мои медицинские знания с помощью Божией. Я окончательно понял, что вера не должна быть абстрактной, она должна быть направлена на конкретную ситуацию, случай, предмет, личность, которую нужно спасти.

- А почему вы решили, что нужно принять постриг?

- Не могу сказать. Это не решение, а состояние, когда иначе не можешь. А в монастырь я попал через 12 лет после этого. Это были очень нелегкие годы. Независимо от меня мгновенно распространились слухи, и – можете представить, что испытали мои родители, не подготовленные к такому повороту! Они долго страдали, но, к величайшей моей радости, их вера становилась все глубже. Преодолеть все трудности нам помогала великая старица, подвизавшаяся в Грузии – схиигуменья Серафима Дьяченко, которая была духовной дочерью св. Кукуши Одесского и великих Глинских Старцев.

- И все время вы не переставали быть поэтом? Это началось с детства?

- В детстве я больше увлекался прозой, писал разные сочинения, заданные на уроках литературы, но, как правило, переносил их в мир вымыслов и воображений. Во Дворце пионеров мы выпускали рукописный литературный журнал «Мерцхали» (Ласточка). Стихи многих моих сверстников мне нравились. Я тоже сочинял. Однажды решил отослать свой опус в редакцию газеты «Норчи ленинели» (Юный ленинец). Пришел ответ: публикации не будет, стихам не хватает художественности. Оглядываясь на прошлое, понимаю, что на месте редактора я бы стихи напечатал. С детьми нельзя так поступать – страницы газеты предназначались для «творений» потомков работников редакции и их близких. Подобным образом поступали и некоторые педагоги, уничтожая в корне зародыши творчества, но были и такие, которые поощряли художественную инициативу, и это было очень важно. Активно писать стихи я начал в студенческие годы; муза чаще всего являлась во время летнего отдыха, на фоне упоительного чтения литературных шедевров и созерцания природы. А попытка публикации снова потерпела фиаско. «Жизнь все покажет», - сказал я в ответ на приговор редактора.

- Можете рассказать о своей поэзии?

- Для меня это непросто, пусть выскажутся другие. Так что предпочитаю предоставить слово читателю и знатокам поэзии. Одно скажу: быть поэтом – это миссия, в первую очередь, а хороший стих может написать большее количество одаренных людей...

- А когда появилась идея основать университет?

- Наш хирургический центр был клинической базой нескольких медицинских университетов. Я преподавал анестезиологию, реаниматологию и токсикологию, и, поглощенный педагогической работой, решил попытаться продолжить ее в духовных учебных заведениях. Благо было благословение Старца. Я предложил курс «Медицинская антропология и основы биоэтики». Мне думалось, что духовные лица должны знать эти вопросы не хуже основных – богословских, потому что утешать людей, которые приходят с жалобами на свои болячки, давать им правильные советы, можно имея хотя бы элементарные биологические и медицинские знания. Мне отказали. Время же показало, что не следует останавливаться... Сперва предполагалось открытие училища с программой подготовки сестер милосердия, и такой момент настал. В 2004 году, когда я уже был монахом,

открылось духовное училище – по существу, фельдшерское училище с религиозным образованием. В центре внимания встал вопрос ухода за больными. Такой опыт у нас имелся. Ведь для выздоровления больных значение имеют не только дорогостоящая аппаратура или медикаменты, а также и то, как лежит больной, на какой постели и белье, в каком, с точки зрения гигиены, состоянии его тело. Мы мыли тяжелейшему больному голову шампунем, все тело – мылом и специальными средствами, часто меняли одежду, делали маникюр, причесывали, разговаривали с ним, палату украшали его любимыми цветами, приглашали родственников, и это все влияло самым положительным образом – люди начинали выздоравливать. И каждая медсестра должна помнить, что ее украшает не белая одежда с красным крестом, а та «черная» работа, которая и есть истинное милосердие. Конечно, к этому должно быть призвание. Когда мы провели первый набор в училище, все абитуриенты, кроме одной, были врачами. Представляете, какой духовный голод испытывали эти уже сформировавшиеся специалисты в медицине!

- Какие направления главенствуют в основном вами университете и какие предметы проходят учащиеся?

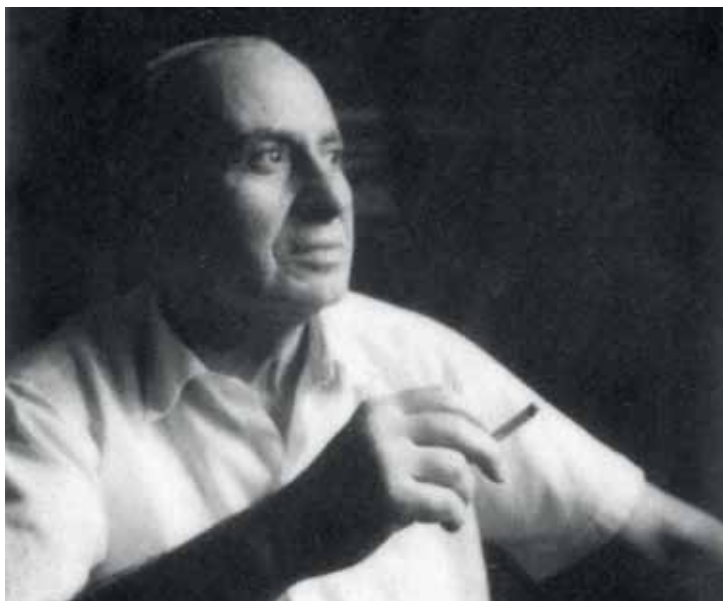
- Для нас на первом месте всегда остается специальность сестер милосердия, для которой с позапрошлого года стало обязательным университетское образование. Кроме медицинских факультетов (их пять), студенты обучаются на других специальностях, таких как психология, социология, страноведение, в частности, туркология, менеджмент. Хочется видеть в будущем в нашем Университете факультеты искусствоведения, реставрации, музейного и архивного дела. Пока много препятствий, но надеемся, что со временем мы их преодолеем. Хотелось бы также сказать следующее. Любое проявление способностей человека, будь то в музыке, в поэзии или в живописи, является сакральным почерком Творца. Поэзию считают душой музыки, а музыку – душой поэзии. Живопись – это поэзия, которую видят, а поэзия – это живопись, которую слышат. Считаю, что талантливые художественные произведения способны облагородить дух человека. Томас Джефферсон писал: «Я был вскормлен законами, и это дало мне представление о темной стороне человечества. Тогда я стал читать поэзию, чтобы сгладить это впечатление и ознакомиться с его светлой стороной». Он также говорил, что «живой и устойчивый смысл сыновнего долга постигается умом сына или дочери быстрее благодаря прочтению «Короля Лира», чем изучение сотен скучных томов об этике». Способность человека выразить себя в музыке, в поэзии, в живописи – одно из проявлений образа Божьего в человеке. Развитие эстетического, культурного, музыкального вкуса у наших студентов одна из задач воспитательного процесса нашего университета.

- Не так давно в вашем университете прошел литературно-музыкальный перформанс «Бесконечность», который соединил мысль, образ, жизнь и искусство. Он был одновременно музыкален, театрален и живописен. Как возникла идея его создания?

- Идея возникла у нас с выдающимся музыкантом современности Валерианом Шиукашвили. Наш диалог создавался постепенно, трудом и вдохновением. Мы постарались посредством музыки и поэзии создать такую атмосферу, которая передавала бы палитру наших духовных переживаний. Наше сотрудничество было чрезвычайно интересным и увлекательным.

- Желаю новых успехов на благородном поприще вашей деятельности.

Мария КИРАКОВА

▲ Акакий Гацерелия

ВСПОМИНАЮ КАК ЖИВОГО

Мы никак не научимся (увы, и не только мы!) ценить наших современников при жизни. Об этом писал еще Акакий Церетели в своих стихах и публицистических статьях. Порой и после кончины мы не воздаем им должное. Три года назад Грузия должна была бы отметить столетие со дня рождения выдающегося ученого, знатока грузинской литературы и ее истории, писателя Акакия Гацерелия, однако эта дата прошла незамеченной.

Родители писателя, чтившие память Акакия Церетели, нарекли сына его именем, и ребенок с детства старался быть достойным своего гениального тезки. Акакий был для него самым народным поэтом, королем мелодичных стихотворений, которые так легко в силу своей музыкальности, ложились на музыку. У Гацерелия есть такая запись: новорожденного в Грузии встречают колыбельной «Иавнана» Церетели и усопшего провожают его же «Тао чемо» (ария из оперы З.Палиашвили «Даиси»).

После рабочего дня, вечерами, он с радостью беседовал с друзьями и близкими, с которыми ощущал духовное родство. С кем только не встречался я в его гостеприимном доме! Здесь бывали многие, многие блестящие представители грузинской интеллигенции. До глубокой ночи не смолкали споры и дискуссии на различные актуальные темы, рождались и обсуждались идеи, и душой всего этого был наш старший друг Акакий Гацерелия.

Диапазон интересов его был необычайно широк. Он с одинаковым интересом и глубиной писал как о сложнейших вопросах версификации, так и о неповторимых особенностях художественного мастерства мэтров нашей прозы. Его основополагающая монография «Грузинский классический стих (VII-XVIII вв.)» открыла целую эпоху в грузинском стиховедении. На этой книге воспитывались поколения литераторов, она и сегодня актуальна как учебник.

Навсегда в моей памяти сохраняются вечера, проведенные в беседах с Акакием Гацерелия в его доме. Помню, с каким восхищением говорил он о теоретических трудах Юрия Тынянова, о его «Проблемах стихотворной речи». В Европе эта книга считалась евангелием стиховедения, сказал мне Акакий Гацерелия. Образцами высокого мастерства считал исторические романы Тынянова «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин». Он вспоминал встречи с Тыняновым, сожалел, что неизлечимая болезнь рано

увела его от нас.

В тридцатые годы Ю.Тынянов приезжал в Тбилиси. Михаил Джавахишвили и Акакий Гацерелия пригласили его пообедать вместе в летнем ресторане, затаив дыхание, внимали суждениям гостя о подходе к исторической теме. Интересно, что взгляды мастеров прозы в большинстве случаев совпадали.

Особо отметим отношение А.Гацерелия ко Льву Толстому. Он никого не мог поставить рядом с ним и считал его величайшим художником. Во время ленинградской блокады погибла рукопись главного, самого значительного труда выдающегося исследователя русской литературы об авторе «Войны и мира» Бориса Эйхенбаума. Этот факт Гацерелия переживал как одно из проявлений ужасов войны и считал невосполнимой потерей для филологической науки.

Идеалом ученого, творца и человека для него был его незабвенный учитель, замученный и расстрелянный в 1937 году несравненный знаток и переводчик античной литературы Григорий Филимонович Церетели.

В доме Гацерелия я познакомился с известным диссидентом, человеком весьма интересного мышления, русским поэтом, переводчиком замечательных эссе Поля Валери и французской поэзии Вадимом Козовым. Это было в 1980 году. Высокопрофессиональные переводы стихов французских поэтов, выполненные Козовым, начиная с поэзии Виктора Гюго и вплоть до Анри Мишо, составили целую антологию (2001). Предисловие к антологии написал очень требовательный и строгий Борис Дубин, который высоко оценил переводы. Вадим Козовой был супругом Ирины Емельяновой, дочери Ольги Ивинской. Они познакомились в ссылке в Мордовии и вскоре после освобождения поженились.

В восьмидесятые годы В.Козовой дважды бывал в Грузии и проводил здесь по месяцу. Он жил у Гацерелия, и мы с ним очень подружились. Некоторое время спустя с помощью своих влиятельных французских друзей, известных поэтов Рене Шара и Анри Мишо (в это дело вмешался и президент Франции Франсуа Миттеран) Вадим сумел вывезти во Францию на лечение своего старшего, тяжело больного сына. А через четыре года перевез во Францию жену и второго, младшего сына, и семья, воссоединившись, поселилась в Париже.

Гацерелия не порывал связи с Козовым. Они не только переписывались, но с помощью Вадима Акакий получал нужную ему литературу. Благодаря Козовому дочь Поля Валери послала Гацерелия очень теплое письмо и книги ее отца (в кабинете Акакия висел его портрет). Гацерелия отправил ей полное глубокой признательности ответное письмо.

Я тоже переписывался с Вадимом до его переезда во Францию. Восстановить эту переписку мне помогла моя приятельница Татьяна Никольская, видный петербургский филолог и большой друг грузинской литературы.

22 марта 1999 года Вадим написал мне

свое последнее письмо. Он не успел вложить его в конверт. Ночью, когда работал над переводом стихотворения Артюра Рембо, с ним случился сердечный приступ, и он скоропостижно скончался. То письмо мне прислала его вдова.

Трудно передать, как тяжела была весть о его смерти для нас, его друзей, находившихся как в Грузии, так и за ее пределами – в России и в других странах. Последовало множество некрологов.

Ирина Емельянова, духовная дочь Бориса Пастернака и глубокий знаток его творчества, подлинный мастер документальной прозы, почтила память супруга изданием нескольких, содержащих интереснейшие материалы, книг из которых я выделю одну «Твой нерасшатанный мир. Стихи, статьи, воспоминания» (2001). В ней частично представлена наша переписка – моя и Гацерелия – с Вадимом Козовым. Насколько теплыми и прочными были наши взаимоотношения, можно судить по нескольким фрагментам этой переписки.

В 1981 году Акакий Константинович пишет поселившемуся в Париже Козовому: «Дорогой Вадим Маркович! Обнимаю и целую Вас как моего сына! Я и все Ваши тбилисские друзья скучаем по Вас. Скажу больше – Ваше отсутствие порождает ощущение какой-то пустоты.

Большое спасибо за прекрасный подарок. Читаю Бертрана и восхищаюсь. Сегодня получил из Парижа очень, очень мне нужную книгу. Это – «История средневековой христианской литературы» Жильсона. Я понял, что это тоже, тоже Ваш подарок. Вадим Маркович, ради Бога пишите как можно чаще и подробнее. Как Ваш сын? Видели ли французских знакомых или нет? Очень прошу узнать, получила ли мое письмо дочь Поля Валери? Если нет, скажите ей, что я глубоко тронут ее вниманием, а также сообщите, что грузинские переводы статей ее великого отца отдельным изданием выйдут в будущем году и Бачана Брегвадзе немедленно пришлет ей».

Из ответного, полного экспрессии, письма Вадима Козового видно, как дорога ему Грузия и друзья, обретенные здесь. Он пишет и о проблемах своего здоровья, о необходимости визитов к врачам. Интересуется, какие книги прислать Бачане Брегвадзе и мне, просит сообщить сведения о семье Гацерелия.

«Дорогой Акакий Константинович! Когда читал Ваше письмо, слезы наворачивались у меня от полноты любви и воспоминаний. О Вас, о милых и щедрых грузинских друзьях, о навсегда любимой и незабываемой Грузии, самой, быть может, красивой стране на свете, я говорил здесь многим, в том числе и моим друзьям Мишо, Жюльену Грину, Бланшо, Граку, Беккетту, Шару, Жану Касу и многим другим, лучшим в этой стране. Скажу Вам просто: иногда, когда вспоминаю Грузию, сердце щемит и рыдаю, как маленький ребенок. В последнее время подумываю о поездке на родину – но при этом обязательно хочу побывать и в Тбилиси. Как это сделать? Очень нелегко получить такое разрешение. К тому же у меня уйма забот и работы, а два месяца назад начались такие неприятности со здоровьем, что надо лечиться и постоянно видеть врачей. Увидим...»

В ответ на мое многословное письмо, в котором я общаю Вадиму о различных тбилисских событиях и об обстоятельствах кончины Акакия Гацерелия (я отправил это письмо через Таню Никольскую, которая ехала в Европу на симпозиум), он присылает мне полное душевной боли послание: «Дорогой Эмзар! Я был счастлив получить твое письмо – мы ведь давно на ты? - счастлив весточке из навсегда любимой Грузии, которой столько пришлось претерпеть. Как хотел бы я, чтобы Грузия процветала... но

для этого нужна и душевная трезвость, и трезвый взгляд на мир. Слишком много грязи – и даже «романтической» грязи – выплеснулось наружу с концом советской власти... Иначе, видимо, и быть не могло. Но главное – Грузия независимая и свободная, хотя и отхватили у нее несколько исконных территорий...»

Смерть Акакия была для меня огромным горем. Он ведь стал членом нашей семьи! Его дружба – одно из самых светлых пятен в моей жизни... И через него я подружился с тобой, с Бачаной, с Гиви...»

17 марта 1997 года я отправил Вадиму письмо, в котором благодарил и за новогоднее поздравление, и за полученные от него книги. К сожалению, письмо пришло тогда, когда Вадима уже не было – после 22 марта.

«Дорогой и любимый Вадим! Получил не только новогоднее послание, но и бандероль с прекрасными книгами. Мне на самом деле трудно подобрать слова благодарности, чтобы хоть приблизительно изложить свои впечатления, насколько эти книги на меня подействовали.

Я целиком разделяю твои размышления о языке: у настоящего писателя всегда один язык (в этом признался даже сам Набоков), и я вполне понимаю тебя, что ты почти ежегодно два-три месяца бываешь в России (буду рад, если на несколько дней посетишь Тбилиси). Часто вспоминаю близкого друга Бориса Пастернака, боль-

▲ В.Козовой, Д.Кобахидзе и А.Гацерелия. 1980

шого грузинского поэта Георгия Леонидзе (я его хорошо знал), которому было весьма трудно жить за пределами Грузии, и, находясь в какой-нибудь другой республике, через два-три дня он с грустью произносил: «Хочется окунуться в родную атмосферу!»

Твое эссе «Анри Мишо, близкий и далекий» доставило мне огромное удовольствие, во всей полноте раскрылся мир творца редчайшего дара, «пишущего всем телом». Понял, для чего нужны были ему воздействия мескалина, понял и его ненасытную страсть к живописи. Мне тоже дороги главные черты его характера, благороднейшие устремления: «нестяжательство, самоотречение, безымянность, щедрая нищета души...» для меня все ясно, когда пишешь: «Целый том мог бы составить по незабываемым улыбкам Мишо...» Я и мои грузинские друзья от всей души благодарим за то, что ты открыл Анри Мишо мир Пиросмани...»

Как я отмечал выше, Вадим написал мне в ту роко-

вую ночь 22 марта письмо, которое не успел отправить. В нем он сообщал наряду с другими событиями о кончине в Амстердаме своего «лучшего поэтического друга» Николая Ивановича Харджиева. В письме ощущается трагический тон, и смутное предчувствие катастрофы: «Без конца болею, но все-таки не забыл: давно послал тебе книги – и беспокоюсь, получил ли ты их. Ответ, пожалуйста. Как тоскливо сознавать, что расстояния – многие – стали непреодолимыми. Верная память, однако, все одолевает. Я не знаю, сумел ли ты за все годы, когда границы стали открытыми, побывать где-нибудь на западе. Когда-то, с самой ранней молодости, мне казалось, что так и просижу всю жизнь в закрытой, запертой на замок стране. И хотя большевистская власть даже в тюрьме и в лагере не могла меня лишиться всего, чем страна моя была дорога и незаменима: воздуха, речи родной, земли с особым весенним запахом или ни на что не похожего кусочка стены – нестерпимое чувство ЗАГОНА (у Лескова одна вещь так называется) меня не покидало. Тем более, что, уж не знаю каким образом, из чего, опять же с самой юности, эта кровная связь возникла, я всегда ощущал себя, подобно Версилу в «Подростке», также и «неотъемлемым» европейцем...

Напиши, Эмзар, как поживаешь и, главное, получил ли книги. Если да, может быть, тебе хотелось бы получить какие-нибудь другие издания, на русском или английском? Не стесняйся, скажи мне.

Крепко тебя обнимаю. Приветы тбилисским друзьям...»

Ирина Емельянова продолжила дружеские отношения с семьей Гацерелия, со мной, с моей семьей, с другими грузинскими друзьями ее покойного супруга. Она дважды приезжала в Тбилиси, провела здесь очень интересные вечера, посвященные творчеству Вадима Козового, подарила нам книги о его жизни и творчестве.

Здесь же расскажу об одной важной инициативе Акакия Гацерелия. По его предложению и с его участием часть принадлежащего Ольге Ивинской архива Вадим Козовой в 1980 году продал тбилисскому Музею дружбы народов. Ныне бесценные рукописи Бориса Пастернака хранятся в Музее грузинской литературы им. Георгия Леонидзе. В 1999 году материалы, посвященные этому архиву, Музей издал отдельной книгой (составление и комментарии Светланы Чернявской).

Многое рассказывал мне Акакий Гацерелия о грузинских символистах. Более всех он был близок с Тицианом Табидзе. Он мне сказал однажды с сожалением: мне не хватило смелости, а то я мог бы как-нибудь ответить Тициана в Чечню и поручить его моим друзьям чеченцам, и спасти от расстрела. Трудно сказать, конечно, удалось бы ему осуществить этот рискованный план.

Акакий Гацерелия, подобно Геронтию Кикодзе, был прекрасным знатоком мировой литературы, что проявлялось не только в лекциях, прочитанных им в течение десятилетий. Под его статьями о Стендале, Кнуте Гамсуне, Льве Толстом, Достоевском, Чехове, Андрее Белом, Тьяннове, Хемингуэе и других подписался бы не один видный литератор любой страны.

Неоценимый вклад внес А.Гацерелия в грузинское литературоведение. Его исследования творчества Теймураза I, Сулхан-Саба Орбелиани, Николоза Бараташвили, Ильи Чавчавадзе, Бесики, Григола Орбелиани, Давида Клдиашвили, Галактиона Табидзе и других видных представителей грузинской литературы навсегда останутся образцами научной порядочности и изысканного вкуса. Можно лишь сожалеть, что лучшие его статьи и эссе до сих пор не переведены на русский и европейские языки

– это было бы бесспорно интересно.

Акакий Константинович прожил нелегкую жизнь в нелегкую эпоху. В Академии наук его не очень-то жаловали: не избрали академиком, несмотря на то, что он набрал даже больше голосов, чем требовалось.

Двадцать пять лет Гацерелия посвятил работе над монографией о Блаженном Августине (отдельные главы ее были опубликованы). К сожалению, монография, которая была ценным научным трудом, и сам автор считал ее венцом своей деятельности, исчезла непонятным образом.

В 70-е годы минувшего столетия Акакий Гацерелия опубликовал в виде отдельных фрагментов весьма интересную работу «Наблюдения и впечатления» - своего рода отражение его богатейшей духовной жизни. Наблюдения и впечатления, я бы сказал – размышления над бессмертными творениями литературы и искусства, ибо этот человек не мог существовать без чтения книг и созерцания прекрасного. Ему было свойственно безудержное стремление проникнуть в сущность человека, и в этом он проявлял редкую пронизательность и деликатность. Предметом его постоянного изучения был язык писателя – самое мощное его оружие.

До конца жизни не прекращал записывать свои мысли. В прошлом году издательство «Интеллект» в серии «Записки» выпустило в свет редкостный сборник «Мое Солилоквио» (составители Дуда Гацерелия и Иосиф Чумбуридзе). Как поясняет сам автор, «Солилоквио» - заглавие одного из сочинений Блаженного Августина, и слово это означает – «Беседа с самим собой в уединении». На протяжении всего этого сборника писатель и вправду беседует сам с собой, и нам предоставляется счастливая возможность услышать мысли мудрого человека, совершенно отличные от других. Думается, эта книга заслуживает отдельного разговора.

Нам, которые близко знали Акакия Гацерелия, тягостно было видеть, как изменился он, человек огненного темперамента, открытый, всегда готовый к полемике. Его в последние годы одолела апатия, он утратил надежду и интерес к жизни. Его верная супруга и друг Ламара Чичуа сказала однажды, что никто ему уже не в радость, и мы не беспокоили его своими визитами в последние дни его жизни. С душевной болью вспоминаю я морозный декабрьский день 1994 года, когда мы предали прах учителя и друга земле Дидубийского пантеона.

В моей памяти он все тот же: с умными горящими черными глазами, подвижный, энергичный, с тонким чувством юмора, всегда приветливый и элегантный. Он никогда не отпустил бы вас из дому без трапезы, пусть самой легкой, но обязательно украшенной прекрасным вином. Он пил очень немного – только обязательные сакральные тосты, как правило, делился с вами своими впечатлениями от прочитанной редкой книги.

На обложке сборника «Мое Солилоквио» помещена фотография автора. Он уже не молод, но бодр, в белой сорочке с распахнутым воротником, и во взоре его, грустноватом, кажется легкий упрек: кого я любил и на кого тратил душевные силы, уже не помнят меня. И мне хочется возразить ему, сказать, что это не так, дорогой мой человек и наставник, мы, ваши младшие благодарные друзья, никогда вас не забывали и всякий раз, когда собираемся, вспоминаем, и гордимся тем, что в течение долгих лет слушали ваши мудрые речи и, как могли, стояли рядом с вами.

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод Камиллы-Мариам КОРИНТЭЛИ

В парке на Рике. Фото Александра Сватикова

▲ Джон Эллис Боулт и Николетта Мислер в Уплисцихе. 2013

ИСКУССТВО БЫТЬ ИСКУССТВОВЕДОМ

Джон Эллис Боулт – славист, искусствовед, специалист по русской культуре начала XX века. Высшее образование получил в Англии и России. Профессор кафедры славянских языков Университета Южной Калифорнии. Основатель и директор Института современной русской культуры (Лос-Анджелес, США). Главный редактор ежегодного сборника «Experiment/Эксперимент», посвященного русской культуре. Автор многочисленных публикаций о русском искусстве.

Николетта Мислер – искусствовед, специалист по русскому и восточно-европейскому искусству. Спектр научных интересов – от творчества Казимира Малевича, Павла Филонова и Павла Флоренского до истории движения и танца в Советской России 1920-1930-х годов. Организатор и куратор ряда выставок, посвященных русскому авангарду и истории танца. Автор книг, статей и эссе.

Это было в 70-х годах прошлого века. Молодая итальянка, специалист по русскому искусству, стояла перед неумолимым сотрудником архива Третьяковской галереи и горько плакала. Она изучала творчество Павла Филонова и приехала в Москву, чтобы поработать с архивными материалами. Но ей в очередной раз не выдали письмо художника, которое – она знала наверняка – хранится в этом архиве. Да и вообще работа в СССР шла с огромными трудностями – сотрудники не давали описания архива, не разрешали делать копии, и в течение шести месяцев она переписывала все архивные документы от руки...

Но труды не пропали даром. Во-первых, она напи-

сала книгу о Филонове. Во-вторых, поехала в Америку, где никогда не была – посмотреть страну и познакомиться с профессором, который регулярно публиковал статьи о Филонове, и в каждой упоминал, что собирается издавать книгу о художнике.

Они познакомились. И решили издать книгу вместе, что и было сделано. А потом решили не только вместе работать, но и жить. И поженились.

Недавно это красивая пара побывала в Грузии. Профессор Джон Эллис Боулт и профессор Николетта Мислер прибыли на конференцию, посвященную грузинскому авангарду вообще и творчеству Давида Какабадзе, в частности, на которой выступили с докладами.

Джон Эллис Боулт. - В своей лекции я говорил о том, что, к сожалению, на Западе до сих пор плохо знают Давида Какабадзе, хотя он жил в Париже почти 10 лет. Обычно его ассоциируют с французским или западным авангардом. Иногда – с русским. Но слово «Грузия» не употребляется. А ведь он не француз, не русский. Он грузин.

- То есть грузинский авангард имеет свои специфические черты?

- По-моему, да. Я говорю о 20-х годах прошлого века. Точнее о времени с 1917-го по 1927 год.

- Это самостоятельное направление?

- Нет, конечно. Русский авангард тоже не был самостоятельным – в нем очень сильно немецкое, французское, итальянское влияние. Такое же влияние испытывал и грузинский авангард. Но в нем есть и специфические элементы. Зачастую авангардные картины восходят к вашим древним традициям – есть ссылки на грузинскую орнаментацию. Например, сам Какабадзе был специалистом по грузинской архитектуре. Ладо Гудиашвили очень хорошо знал историю грузинской культуры. Поэтому они часто брали форму у западных художников – кубистов, футуристов, супрематистов, но вносили свое, национальное. И еще. Как бы это объяснить? Представьте: играет пианист, есть октавы, гармония... А когда «играет» Какабадзе, то неожиданно возникает какая-то непредсказуемая нота. Ты ждешь одной ноты, а звучит другая. И возникает мистика – он куда-то идет, ведет. Но ты не знаешь куда. И это отражается во многих его картинах. Сейчас в экспозиции Национальной галереи – кстати, выставка прекрасная! - представлена картина Какабадзе 1942 года. Низкий пейзаж, огромное фиолетовое небо и на нем – какая-то непонятная звездочка. Это очень странная вещь... Ты хочешь, чтобы она упала. Но она висит. Ты смотришь на картину и ждешь – что же будет? Этот специфический момент встречается у многих хороших художников – Кандинского, Малевича. Момент нерешенности... Как будто настоящее не на картине, а где-то за рамкой...

- Да вы не просто искусствовед. Вы поэт.

- Я это нахожу у Какабадзе. И поэтому он очень волнует.

- На днях вы выступали на конференции «Авангард и война» в Белграде. Какие темы были затронуты?

- В основном сюжеты и темы были литературные – русская поэзия, проза, литературоведческие теории. Были и доклады по искусствоведению. В том числе и мой – «Русский авангард и Первая мировая война». Говорили о связи между русским и итальянским футуризмом и войной. Вы знаете, многие русские художники пошли на фронт. Некоторые погибли. Михаил Ледантю, например. То есть были непосредственные соприкосновения художников с войной. Они не просто в тылу сидели и пили чай. А на самом деле воевали. Многие вернулись с фронта живыми. И писали свой опыт. Малевич, Лебедев изображали казармы, солдат, окопы... А были и такие художники, которые интерпретировали, толковали театр военных действий. То есть создавались и конкретные, и метафорические изображения. Был такой Павел Мансуров, абстрактный художник, малоизвестный, но очень хороший. Он писал проекции полетов снарядов. Белые картины и эти линии...

- Траектории?

- Да-да, спасибо. Очень красиво. Кстати, малоизвестен тот факт, что Владимир Татлин, который не воевал, называл свои рельефы контррельефами – по аналогии с контратаками. Понимаете, это такая двойная атака

▲ Давид Какабадзе

на пространство. Но на белградской конференции не была отражена трагедия войны. Прошло сто лет, и о той войне легко говорить... Мы забыли про ужасы войны. Об этом было мало сказано. Наверное, это неизбежно... Но прозвучал интересный факт в одном докладе – в России нет ни одного памятника солдатам, павшим в Первой мировой. А в других странах есть... Грустно.

- Авангард, в отличие от модернизма, предполагал создание не просто новых форм, но нового искусства. Простите за наивный вопрос – искусство может изменить жизнь?

- На самом деле – это очень сложный вопрос. Мне кажется, что да. Искусство может преобразовать человеческую жизнь. Удачная картина, скульптура, стихотворение – это то, у чего есть какое-то сакральное пространство. Ты смотришь на картину, и вдруг думаешь об ином. И это иное влияет на тебя. Ты задумываешься – есть ли четвертое измерение? Существует ли Бог? Есть ли святое пространство? Есть ли вечность? То есть возникают вопросы. И это очень хорошо.

- Какие произведения вызывают у вас такое чувство?

- Например, тот самый пейзаж Какабадзе 1942 года, на который я смотрел сегодня. Поневоле начинаешь думать о Боге.

- А от чтения стихов такое чувство возникало?

- Да. Когда я читал Блока. На русском. До сих пор, когда я его читаю, он уносит меня в другие миры.

- А Маяковский?

- Нет, нет... Я понимаю, что он великий поэт, но как ни странно это слышать от меня, символист Блок меня трогает больше, чем футурист Маяковский.

- Какое из направлений авангардизма вам ближе?

- Русский авангард. Кандинский. Малевич. Очень волнует Филонов, потому что у него есть какая-то тайна.

- А «амазонки авангарда» Экстер, Гончарова, Роза

Картины Давида Какабадзе

нова и другие, чью выставку вы курировали?

- Они интересны мне как явление. Это российское явление. Вообще, женщины играли огромную роль в русской культуре. Мне кажется, что в других культурах такого явления нет. Я до сих пор не очень понимаю, почему женщины – поэтессы, художницы, начиная с конца XIX века и по 20-е годы XX века, играли такую роль? Необъяснимая вещь.

- А успех художника – тоже необъяснимая вещь?

- Есть огромная разница между тогдашним и нынешним успехом. Сегодня успех очень зависит от рынка – от упаковки. Иногда упаковка важнее самого художника. То, как произведение презентуется, важнее самого произведения.

- То есть успех может иметь и плохое произведение в хорошей упаковке?

- Может. Очень легко. Сейчас к искусству совершенно другое отношение. Имеют значение рынок, деньги, аукционы, частные галереи.

- А в чем же роль искусствоведа?

- Это интересный вопрос. Мне кажется, что искусствовед должен продвигать забытое. Это его миссия. Я очень люблю, когда обнаруживаю забытого художника и могу продвинуть его – через выставки, публикации, конференции. Это мне доставляет большую радость.

- Вами движет не корысть...

- Нет, нет. Я люблю это дело.

- Нынешние молодые искусствоведы – что ими движет?

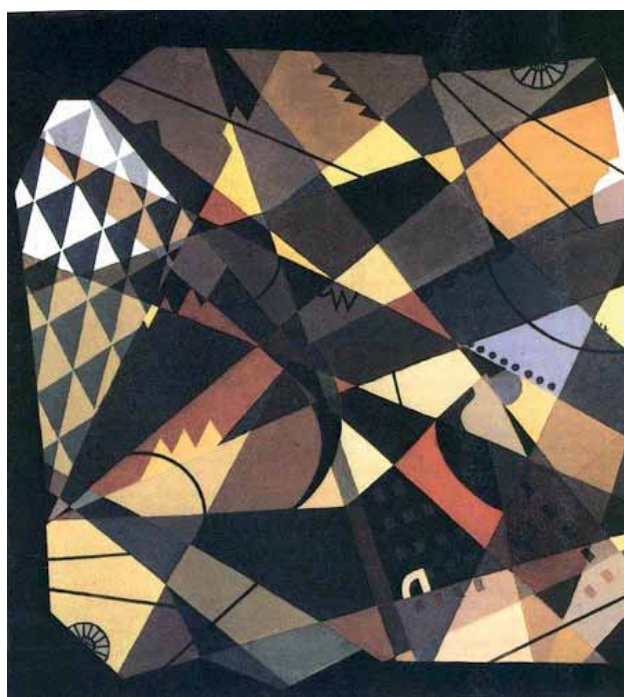
- Встречаются такие, которые занимаются своим делом со страстью. И делают это не ради денег. Особенно в России. Не знаю, как в Грузии...

- В мире литературы говорят, что критиком становится тот, кто сам не может ничего написать. Может быть хорошим искусствоведом человек, который не умеет рисовать?

- Искусствоведение как наука появилось в конце XIX века. До этого были любители, дилетанты. И первыми искусствоведами были не художники, а, как правило, историки. Или просто богатые джентльмены, которые начали разбирать произведения искусства. Искусствоведение – это тоже творчество. Да, у него есть свои правила, законы, формулы, методы. И все же самое главное – это интуиция, вдохновение и душа.

- Но ведь очень важен и рациональный подход. Как в таком тонком деле применить рацию, как определить критерии для оценки произведения искусства?

- Это трудно. Очевидно, что основа нашей жизни вообще – это рациональность. У нас есть правила, система, организованность. Мы все идем по этому пути. И некоторые люди, которые слишком много смотрят телевизор, идут по этому пути и не сворачивают. И до конца своей жизни идут по чужим следам. Не говорю, плохо это или хорошо, но это так. А есть другие люди – они живут по законам и методам, но, в конце концов,

сворачивают с дороги в сторону, видят чудо, видят бога, и снова возвращаются на свою дорогу. Это и есть хорошие искусствоведа.

- Значит, важно соскочить с наезженной колеи?

- Очень важно. Самое главное в искусстве – это случайность. И потому в самых значительных произведениях искусства всегда есть какая-то ошибка. Ощущение, что там что-то не то.

- Что вы ответите бесхитроственному человеку, который спросит вас – в чем величие «Черного квадрата»?

- Это как раз тот самый случай. Во-первых, это не квадрат, а четырехугольник. Написан рукой, а не линейкой... Во-вторых, он не совсем черный – на нем есть белые точки. Но дело не в этом. Черный квадрат шокирует. Сам факт, что человек спрашивает – зачем это? – означает, что человек заинтересован, не остался равнодушным. А потом человек смотрит на него и начинает думать – что это означает? «Черный квадрат» был написан в Первую мировую войну. Может быть, черное – это зло? А белое – это царская армия? А может, это просто окно? Кроме того, вы можете ответить, что он означает конец живописи – все уже написано, и «Квадрат» – это точка. Все. И начинается совсем другая жизнь. Это демаркационная линия. Куда после нее?

- Как вам кажется, воспринимать произведения искусства может любой человек, или это как талант – или дано, или нет?

- Конечно, любой. Для этого достаточно просто иметь зрение.

- В авангардизме есть такие фигуры, которые трудно причислить к определенным направлениям – Пикассо, Модильяни, Матисс... Может быть, направления авангарда – это искусственные направления, а творчество всегда выше любых направлений?

- Я бы сказал, что это наша вина. Мы наклеиваем ярлыки. А вообще об этом лучше скажет Николетта.

Николетта Мислер. - Я думаю, эти направления искусственны. Нам все время хочется все определить. На самом деле, нельзя большого художника ограничивать каким-то направлением. Тот же Пикассо к концу жизни был совсем другой. Он чувствовал себя свободным. И Матисс тоже. Ты понимаешь, что у них есть стиль. Но это не направление, а их личный стиль.

- Но искусствовед не может не поставить ярлык.

- Конечно, но это надо делать условно. А то есть искусствоведа, которые начинают создавать теории – остроумные, прекрасные. Но в конце концов перестают смотреть на картины.

- Как вы смотрите на картины?

- Вначале – очень эмоционально. Но потом мне хочется рационализировать свои эмоции. И понять контекст – социологический, физический. Даже бытовой. Это очень важно.

- А есть такие произведения искусства, которые навсегда останутся загадкой?

- Да. Картины Филонова, например. У него много символов... Но они необъяснимы. И самый хороший художник – это тот, который остается загадкой. Он все время притягивает тебя. Ты не можешь объяснить, почему тебе нравится. Но тебя тянет. Волнует. И даже раздражает.

▲ На пресс-конференции в Национальной художественной галерее

- Такую картину вы повесили бы у себя дома?

- Конечно. Потому что не скучно.

- А какие картины висят в вашем доме?

- Никакие. Мы собираем книги, а не картины. А, нет, висит одна маленькая акварель, которую я случайно купила в комиссионном магазине. Это символистская картина – три фигурки идут в тумане. И каждый раз я думаю – куда они идут? Кто они?

- Круг ваших научных интересов очень широк, не так ли?

- Да, это так. Я много занималась Павлом Флоренским. Опубликовала на итальянском его тексты об искусстве – практически все. Включая «Анализ пространственности», который я переводила пять лет. Потом я занялась пластическими изображениями – танцами, фотографиями, рисунками 10-20 годов XX века, когда в России возник Новый танец с его культом тела, жеста, позы. Это связано не совсем с авангардом, более – с символизмом. Существует большой архив так называемой Хореографической лаборатории, которая занималась проблемами танцев. Я работала с ним и выяснила, что должно быть много фотографий. И постепенно в разных источниках я их нашла. И сделала выставки – в Риме и Москве, в Бахрушинском музее.

- Где было больше посетителей?

- Везде. В Риме стояли в очереди, чтобы попасть на выставку. А потом я опубликовала книгу «В начале было тело». И продолжаю эту тему – здесь очень много аспектов.

- Кто является зрителем ваших выставок и читателем ваших книг?

- Трудно сказать. Мои – очень разные.

- Они рассчитаны на профессионалов или на широкий круг любителей?

- На профессионалов.

- Чем вы с Джоном занимаетесь сегодня?

- Сейчас делаем выставку русского искусства в Палаццо Строцци во Флоренции. Она откроется в сентябре. Работаем вместе с Русским музеем, Третьяковкой, Музеем Востока в Москве и Этнографическим музеем Санкт-Петербурга. Мы рассчитываем на профессионалов и стараемся, чтобы это было научно. Но я уверена, что понравится всем.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

В ГОСТЯХ У ЛЕТА

**«Стоит лишь встать, высунуться в окошко,
и тотчас поймешь: вот она начинается,
настоящая свобода и жизнь, вот оно, первое утро лета».**

Рэй Брэдбери. «Вино из одуванчиков»

С детства в нас живет уверенность, что летом больше свободы, воздуха, солнечного света, хорошего настроения. Это новые приключения, друзья, впечатления, книги...

Это время года богато на эпитеты. Поэты его ода- ривали не раз. У Крылова и Пушкина – лето красное, некрасовское – благодатное, бальмонтское – пла- менное, у Блока оно жаркое, у Белого – ароматное, а лето Городецкого – рдяное...

Лето объединяет месяцы Юноны – июнь, Юлия Цезаря – июль и Октавиана Августа – август.

Июнь – конец пролета, начало лета.

9 июня по народному календарю отмечается Фе- дорин день. Про Федору Домовницу говорилось: *Фе- дора стоит за углом, хочет узнать о худом*. Плохой приметой считалось устраивать семейные ссоры и сплетничать. Отсюда и пошла поговорка: *На Федору не выноси из избы сору*.

Июль называют макушкой лета.

*...Июль с грозой, июльский воздух
Снял комнаты у нас внаем.
Июль, таскающий в одеже
Пух одуванчиков, лопух,
Июль, домой сквозь окна вхожий,
Все громко говорящий вслух.*

*Степной нечесаный растреп,
Пропахший липой и травой,
Ботвой и запахом укропа,
Июльский воздух луговой.*

(Б.Пастернак)

В ночь с 6 на 7 июля отмечается один из самых любимых в народе праздников – Иван Купала.

Считается, что в эту единственную ночь можно увидеть, как цветет папоротник. Тому, кто сумеет сорвать его, открывается дар. Он начинает понимать язык животных, видеть зарытые в землю сокровища. Можно себе представить, сколько нашлось бы желающих найти мифический цветок и сегодня. Но краси- вая легенда так и остается легендой.

Вот как цветок папоротника описывается у Нико- лая Васильевича Гоголя в «Вечере накануне Ивана Купала»:

«Глядь – краснеет маленькая цветочная почка и, как будто живая, движется. В самом деле чудно! Движется и становится все больше, больше и крас- неет, как горячий уголь. Вспыхнула звездочка, что-то тихо затрещало, и цветок развернулся перед его оча- ми, словно пламя, осветив и другие около себя...»

Обрядовый купальский огонь символизирует ог- ненный цветок папоротника. Костры считались очи-

щающими от порчи и скверны. Также как и вода. На Иванов день вся нечистая сила покидала реки, озера, водоемы, и вода приобретала особую живительную силу. В народе верили, что в этот праздник вода с огнем дружит.

По православной традиции 7 июля отмечается день рождения Иоанна Предтечи (Крестителя).

А вот 2 августа почитают Илию пророка. С принятием христианства Илья пророк перенял многие функции славянского бога Перуна-громовержца. Выражение *После дождичка в четверг* связано с язычеством. Именно Перуну был посвящен четверг. В засуху в этот день к нему обращались с просьбой пролиться на землю благодатным дождем. Но часто эти мольбы оказывались тщетными. Потому это высказывание носит шутовское значение.

В Перунов, а позднее в Ильин день, нельзя было выходить в поле – ни косить, ни убирать сена, а то Илья пророк прогневается. А еще запрещалось купаться. Илья-пророк по небу на колеснице мчится и от быстрого ходу его кони подковы теряют. Упадет подкова в воду и застудит. Потому говорили: *Илья-пророк в реках воду мутит*. И еще: *До Илья мужик купается, а с Илья с рекой прощается*.

Последний месяц лета – это месяц трех Спасов. *Первый Спас – на воде стоять, второй Спас – яблоки едят, третий Спас – на зеленых горах холсты продавать*.

Первый, Медовый, празднуется 14 августа. В это время пчелы заканчивают собирать цветочную пыльцу, и бортники приступают запасать мед. На Медовый Спас разрешалось попробовать предварительно

освященный в церкви мед. Принято было угощать бедняков, никому не отказывая. Вот и осталась в употреблении фраза: *Первый Спас – лакомка*.

19 августа отмечают Преображение Господне. Это самый главный Спас – Яблочный. Погода после этого праздника «преображается».

Месяц август яблоком пахнет. До прихода Яблочного Спаса не разрешалось есть плоды фруктовых деревьев, особенно яблоки. В этот день освящают новый урожай. *На второй Спас и нищий яблочко съест*.

Восточные славяне приурочили к этому празднику Яблочное чаепитие. Этот обычай напоминает об изгнании из рая Адама и Евы. По традиции яблоки (особенно кислые), нарезанные кусочками, опускаются в горячий чай, а следом в мед или варенье.

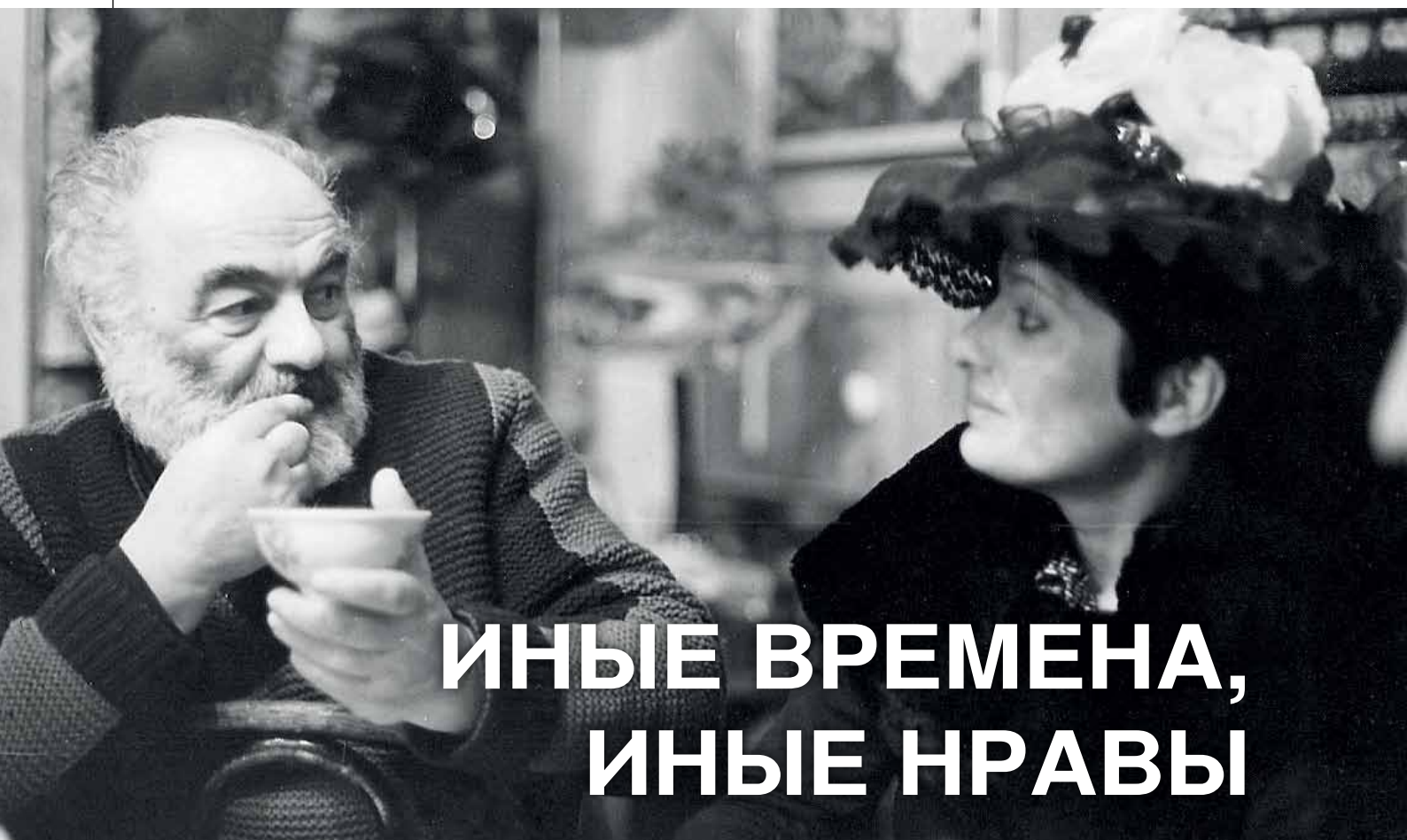
И, наконец, третий Спас – Ореховый или Хлебный празднуют 29 августа. К этому дню поспевают орехи. А еще с ним связана поговорка: *Третий Спас хлеба припас*.

Кончится лето, ему на смену придут осень, зима. Но у каждого – ребенка или взрослого, останется свое «вино из одуванчиков» - «пойманный и закупоренный» кусочек лета.

*А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепащих фотографий
Ночью снял на память гром.*

(Б.Пастернак)

Алена ДЕНЯГА

ИНЫЕ ВРЕМЕНА, ИНЫЕ ПРАВЫ

▲ Ирина Дзюцова с Сергеем Параджановым. 1985

Конечно же, в памяти моей запечатлены встречи с такими замечательными людьми, как художник Николай Чернышков с его прекрасными пейзажами Тбилиси, как коллекционер шарманок и старинных музыкальных инструментов, колоритный типаж старого города Аркадий Ревазишвили. Во дворе его старого дома на Авлабаре жили медвежата в клетке. Он их отлавливал для дрессировщиков советских цирков. Ревазишвили играл чуть ли не на всех музыкальных инструментах своей коллекции. Его знали и уважали артисты цирка, к нему в гости приходил сам Иосиф Гришашвили и другие люди искусства. После его смерти коллекцию передали в Тбилисский музей музыкальных инструментов.

Я помню свои встречи, наполненные благожелательностью и обогащенные ценнейшей информацией с вдовой художника Василия Шухаева, художницей Верой Федоровной Шухаевой, с дочерью Тициана Табидзе, изумительным человеком Нитой Табидзе, с художницей Беллой Африкян-Цилосани. В течение многих лет она работала художником по костюмам для Государственного ансамбля грузинских танцев Ильи Сухишвили и Нино Рамишвили. Она принадлежала к известному роду Африкян. Ее отец передал в свое время в дар городу большой дом в Сололаки, где расположилась музыкальная школа.

Верная память своего мужа, известного ученого и художника Владимира Цилосани, Белла Ервандовна передала часть его личного архива в рукописно-мемуарный отдел Музея искусств Грузии.

На протяжении нескольких лет я приходила в дом к известному в свое время в Тбилиси художнику и педагогу Леониду Николаевичу Потапову. Обладая исключительной памятью, он рассказывал мне о своей дружбе

с Александром Бажбеук-Меликовым, Леонидом Склифосовским, Верой Белецкой, Зигой Валишевским, о встречах с Сергеем Соринным и Сергеем Судейкиным. З.Валишевский не раз рисовал его портреты, а один графический портрет большого формата в настоящее время хранится в фондах Музея искусств Грузии. Часть личного архива Л.Потапова также хранились в фонде рукописно-мемуарного отдела. Он содержит интересные сведения о художниках и художественной жизни Тбилиси, генеалогическое дерево художественной династии Бенуа (составленное впервые именно Потаповым), заметки о преподавании рисования. Многие грузинские специалисты высоко оценивали деятельность Л.Потапова – педагога (например, его ученик Автандил Варази).

Недолгим было мое общение с Эммой Лалаевой-Эдиберидзе, но помню мое удивление, когда в 1989 г. я впервые увидела ее работы, развешанные по стенам ее скромного жилища в старом тбилисском доме. Эта маленькая подвижная старушка продолжала писать картины не только реалистического жанра, но и в кубо-футуристической и супрематической манере. Это увлечение – дань памяти молодости. Она была ученицей Бориса Фогеля, Гуго Габашвили, Евгения Лансере и Иосифа Шарлеманя, очень любила творчество Ираклия Гамрекели. Она работала как театральным художником, дизайнер одежды, художник-мультипликатор на студии «Грузия-фильм», иллюстратор книг и грузинской периодики. Э.Лалаева-Эдиберидзе – это Александра Экстер или Любовь Попова грузинского изобразительного искусства. Недаром И.Гамрекели так ценил ее творчество.

После первой же встречи с художницей, я стала рассказывать о ней моим друзьям, коллегам, коллекционе-

рам. Хотела устроить ее выставку в нашем Музее искусств, написала о ней статью, опубликованную в газете «Советакан Врастан». Увы, немногие разделяли мой восторг. Одним из тех, кто разделял мой энтузиазм, оказался мой друг, коллекционер и меценат Арчил Дарчия. В 2001 г. он устроил выставку работ Э.Палаевой-Эдиберидзе с своей галерее «Старая галерея», а его дочь, искусствовед Кристина Дарчия, готовит диссертацию о творчестве этой не в полной мере оцененной художницы.

Иных уж нет, а те далеке, но все они озарили меня своим присутствием в моей жизни. В 1964 г. я познакомилась с Эдуардом Гольдернессом, поэтом и переводчиком, потомком рода лорда Байрона. Он любил меня (увы, безответно). Благодаря ему, я полюбила творчество многих поэтов, у меня сформировался литературный вкус, определенные взгляды на жизнь. К сожалению, Э.Гольдернесс умер в 1967 г. Я очень переживала его уход и поняла, что героическая жизнь этого неизлечимо больного человека не должна остаться в неизвестности. Я обратилась с письмом к известному в то время в СССР писателю и журналисту Евгению Богату. Он немедленно заинтересовался, приехал в Тбилиси, я передала ему материалы об Э.Гольдернессе. Результатом стала наша дружба и повесть «Удар молнии». Она несколько раз переиздавалась и не только на русском языке. Студенческий театр г.Омска поставил спектакль по мотивам этой повести. Спектакль был показан на Центральном телевидении благодаря актеру и режиссеру Ролану Быкову.

С Е.Богатом мы общались и переписывались вплоть до его смерти. Он был человеком отзывчивым и тонкого ума.

В 1971 г. в тбилисском издательстве «Мерани» под

лишь в одном кадре (с Гоги Гегечкори). Возможно, моя статья стала одной из первых (или первой) в СССР о работе С.Параджанова. После его смерти я собрала большой материал о фильме «Цвет граната». Лишь в 2012 г. в Тбилиси была издана часть этого материала в виде книжки «Символы и образы в фильме С.Параджанова «Цвет граната»». Сегодня о выдающемся режиссере пишут много, а в его музей в Ереване приезжают не только специалисты, но и ценители творчества одного из 20-ти лучших кинорежиссеров XX века. Едва ли не ежедневно вспоминаю дни, годы, проведенные рядом с Сергеем. Как он был внимателен ко мне, как трогательно относился к моей дочери, как он пафосно выступил на защите моей диссертации в 1984 г. (а я выступала в его защиту во время суда над ним в Тбилиси).

В 1970-е годы я познакомилась с поэтессой Беллой Ахмадулиной и ее мужем, художником Борисом Мессерером, с Василием Катаняном (сыном В.Катаняна и Л.Брик). Однажды мы провели чудесный день на даче Параджанова в селе Дзалиси. Вместе с нами гостили кинорежиссер Георгий Шенгелая и актер Додо Абашидзе. Белла читала стихи, мы гуляли с ней по саду... Позже мы переписывались с ней по поводу Э.Гольдернесса. Она его ценила как поэта и человека.

Благодаря моей журналистской работе (в газетах «Заря Востока» и «Вечерний Тбилиси» и в журнале «Декоративное искусство СССР») я познакомилась с Еленой Ахвледиани, писала о ней, часто бывала в ее чудесном доме на вечерах, вернисажах. Никогда не забуду ее теплое и трогательное отношение ко мне. Бесконечно интересно мне было общаться, слушать рассказы художников Учи Джапаридзе, Серго Кобуладзе, Солико Вирсаладзе, Теймураза Барнавели (сын Василия Барнова).

Замечательные отношения сложились у меня с армянским художником Мином Аветисяном, с художником Оником Минасяном (он сыграл роль царя Ираклия Второго в «Цвете граната»). Они любили приезжать в Тбилиси. Это были настоящие рыцари как в жизни, так и в творчестве. Оба погибли в расцвете сил, и это стало для меня огромной утратой.

Важной вехой в моей жизни стало знакомство с князем Никитой Лобановым-Ростовским. Он приехал в Тбилиси специально для того, чтобы познакомиться со мной, как с автором статьи о художнике Сергее Судейкине в журнале «Литературная Грузия». С тех пор он не перестает меня удивлять. Потомок древнего рода Рюриковичей, древнейших русских родов, геолог, банкир, меценат, коллекционер русской живописи (известной во всем мире), благороднейший человек, верный и добрый друг, он также открыл для меня

новые духовные ценности. В 1983 г. в газете «Вечерний Тбилиси» была опубликована моя статья о коллекции Никиты Лобанова-Ростовского (в которой есть и работы Ладо Гудиашвили, Ираклия Гамрекели, Василия Шухаева, Кирилла Зданевича). Это была первая в СССР статья о знаменитой коллекции, и я очень горжусь этим.

Я благодарна судьбе за встречу с правнучкой царя Ираклия Второго, Ольгой Ивановной Ратишвили-Львовой. Аристократка не только по происхождению, но и по духу, умная, светлая, добрая, она много мне рассказывала о своих славных предках. Например, о своем отце Ива-

▲ С Евгением Леоновым. 1981

редакцией и с предисловием Гии Маргвелашвили вышел сборник сонетов и переводов Э.Гольдернесса. Дебют же молодого поэта состоялся на страницах журнала «Литературная Грузия» в 1961 г. с добрым напутствием Самуила Маршак.

В 1967 г., поехав с журналистским заданием от газеты «Советакан Врастан» на съемки фильма «Цвет граната» («Саят-Нова») в Алаверди, я познакомилась с Сергеем Параджановым. Окунулась в совершенно незнакомый мне мир. Сергей уговаривал меня сняться в каких-либо эпизодах фильма, но я согласилась появиться

▲ С Никитой Лобановым-Ростовским. 2005

не Ратишвили, который спасал российские сокровища во время революции 1917 г. Ленин величал его «товарищ князь». О.И. Львова сделала царский подарок: передала материалы семейного архива в фонд рукописно-мемуарного отдела Музея искусств Грузии. После ее кончины, вот уже сколько лет продолжают теплые дружеские отношения с ее дочерью Экой Львовой-Ройнишвили. Она – такой же искренний и благородный человек как и ее мама. Она передала музеям Грузии многое из семейного архива (картины, письма, мемориальные вещи).

Не могу не вспомнить Шалву Ясоновича Амираншвили, директора Государственного Музея искусств Грузии. Под его руководством я проработала несколько лет в музее. Главное, чем он меня удивил, это – бесконечная любовь к музею, к своему делу. Это был патриот грузинской культуры и талантливый музейный деятель. Вспоминаю наши традиционные и известные во всем Тбилиси (и не только в Тбилиси) завтраки во время рабочего перерыва в библиотеке музея, с их неизменной хозяйкой, заведующей библиотекой Натальей Дмитриевной Сосновской. Кто только ни заглядывал на наши чаепития, сколько интересных людей, известных деятелей культуры. А сама Сосновская была большим знатоком книги, искусства, она была больше, чем библиотекарь для тех, кто ее знал. В немалой степени и она формировала мой вкус к книге и искусству.

Вахтанг Вуколович Беридзе. Этот выдающийся исследователь грузинского искусства, известный во всем СССР и во многих странах мира, директор Института грузинского искусства, воспитавший плеяду грузинских ученых-искусствоведов, - именно он, первый, оценил мои робкие попытки по исследованию некоторых аспектов грузинской культуры прошлого. Узнав от Нино Гогоберидзе (известный в Грузии искусствовед), что некая сотрудница музея искусств тихо, незаметно для других пишет об иконостасной живописи XVIII-XIX вв. в Грузии,

Вахтанг Вуколович попросил меня придти к нему со своими черновиками. Я так и поступила, а через какое-то время он мне объявил, чтобы я продолжала свои изыскания, что это – тема кандидатской диссертации, а руководителем ее будет он сам. Он был внимательным, строгим, но доброжелательным руководителем. К тому же он взял меня под свою защиту от нападков некоторых недоброжелателей. В моей памяти Вахтанг Вуколович сохранится навсегда.

В лице Ладо Гудиашвили я увидела не только выдающегося художника, но и очень благородного, честного, доброго, деликатного человека. В общении с ним было очень уютно. Он много рассказывал из своего прошлого, я едва успевала за ним записывать. Свои статьи о творчестве художника я всегда писала с большим воодушевлением и радостью. Очень доброжелательна была ко мне и Нина Иосифовна Гудиашвили. Вместе с Владимиром Давидовичем они охотно дали мне рекомендацию для вступления в Союз художников Грузии.

Несмотря на большую разницу в возрасте, мы очень дружили со Львом Николаевичем Склифосовским. Он работал в фотолaborатории Института истории искусств Грузии им. Г.Н. Чубинашвили. Был очень уважаемым человеком. Много рассказывал о своем знаменитом отце, художнике и основателе курсов живописи в Тифлисе и Батуми. Николай Васильевич Склифосовский воспитал не один десяток художников, которые вошли в историю грузинского искусства нового времени. Л.Н. Склифосовский был из рода знаменитого русского врача Н.В. Склифосовского, имя которого носит НИИ скорой помощи в Москве.

Судьба свела меня с Екатериной Александровной Яковлевой. Она приходилась внучкой Елене Давидовне Чавчавадзе (в замужестве за генералом Астафьевым).

▼ С Ладо Гудиашвили. 1968

▲ С Бабо Дадияни. 1970-е гг.

На протяжении семи лет ее воспитывала тетя, Нина Чавчавадзе (вплоть до самой смерти в 1857 г.). Е.Д. Чавчавадзе — дочь Давида Чавчавадзе и внучки царя Георгия XII, Анны Ильиничны, внучка Александра Чавчавадзе и правнучка известного политического деятеля при царе Ираклии Втором и полномочного посла Грузии в России Гарсевана Чавчавадзе и его супруги Мариам Авалишвили. Их портреты (прижизненные), так же, как портрет Е.Д. Чавчавадзе-Астафьевой (работы художника П. Колчина) хранятся в фонде Музея искусств Грузии.

Е.А. Яковлева многие годы работала в Государственной публичной библиотеке. В годы Великой Отечественной войны работала санитаркой в тбилисском военноморском госпитале. Она знала многих деятелей культуры Грузии и России. Паоло Яшвили, Валериана Гаприндашвили, Святослава Рихтера, Всеволода Рождественского. Очень живо, интересно рассказывала мне о своей бабушке, пересказывала мне ее воспоминания о Нине Чавчавадзе. По моей просьбе записала для меня некоторые сюжеты, а в 1985 г. в газете «Вечерний Тбилиси» я опубликовала свою статью об этой удивительной женщине, скромно доживавшей свой век в одиночестве, в комнате одного из итальянских двориков Старого Тбилиси.

Много интересного я узнала от Бабо Дадияни, матери нашего известного искусствоведа Георгия Масхарашвили. Кстати, ее невесткой была двоюродная сестра моей мамы Елена (Джута) Казиева. У Б. Дадияни были замечательные предки из известных грузинских родов. Одна из родственниц, Мери Шервашидзе, была посаженной матерью на свадьбе Бабо в 1921 г.

Б.Дадияни бережно хранила семейный архив со множеством старых фотографий, замечательно рассказывала и, несмотря на возраст, выглядела очень элегантно и почти царственно.

Имя Нины Васильевой знакомо тем, кто соприкасался с историей литературно-художественного авангарда 1910-1920 гг. Молодая поэтесса приехала в Тифлис из Петербурга в 1917 г. и сразу окунулась в бурную культурную жизнь города, стала активной участницей литературных вечеров, диспутов, заседаний. Она знала всех героев тех лет, с некоторыми дружила. В Тбилиси Н. Васильева вышла замуж за Дмитрия Петровича Гордеева, будущего грузинского исследователя и сотрудника Музея искусств Грузии. Высокая, статная, немногословная Н.

Васильева жила одна, в безвестности. Лишь редкие знатоки тифлиского авангарда навещали ее и не без корысти: они уносили с собой уникальные издания тифлиского авангарда и другие бесценные материалы. К счастью, у Н.Васильевой еще сохранился архив мужа, который она по моей просьбе передала рукописно-мемуарному отделу Гос. Музея искусств Грузии. Н.Васильева умерла в 1979 г. в Тбилиси, в возрасте 90 лет.

Примером истинной женственности и элегантности являлась художница Назели (Назик) Ивановна Терьян. Ее портрет в широкополой шляпе и в перчатках можно найти почти во всех альбомах, посвященных Александру Бажбеук-Меликову. С ней я познакомилась во время сбора материалов о Бажбеук-Меликове. Назели Ивановна очень живо и охотно рассказывала не только о художнике, но и о многих других деятелях грузинской культуры. По моей просьбе она записала свои воспоминания, к которым я время от времени обращаюсь, а перед глазами встает образ светской, образованной, с утонченным вкусом Назели Терьян.

Очень живо и насыщенно проходили мои встречи с Папуной Церетели. Известный коллекционер, друг многих грузинских художников, поэтов, деятелей культуры, он поражал своей неутомимой энергией, нескрываемым любопытством, ежедневным поиском новых объектов для своей коллекции. Как на работу приходил он к нам в Музей искусств, по адресам художников и их наследников. Искал и находил. У П.Церетели была картина Нико Пиросмани, которую он подобрал по кускам где-то на улице. Собиратель, он знал биографии художников, их моделей, историю создания картин. Словоохотливый, он часами мог восхищаться своими находками. Он и его милейшая жена были гостеприимными и доброжелательными хозяевами своего домашнего музея. Увы, после смерти Папуны Церетели его коллекция распалась. Помню, какие-то предметы приобрел ныне покойный Шарадзе. Папуна Церетели был примечательной личностью и старожилом Тбилиси.

В 1989 г. в связи с подготовкой выставки «Братья Зданевичи» в Музее искусств Грузии, я приехала в Париж. Гостила в доме Ильи Зданевича, у его вдовы Элен Дуар. Несмотря на мой слабый французский и разницу в возрасте мы с ней сдружились и очень успешно работали над архивом ее знаменитого мужа, уроженца Грузии, поэта,

писателя, издателя, друга многих знаменитых грузинских, русских и французских деятелей культуры. Достаточно назвать имена Михаила Ледантю, Михаила Ларионова, Эвтимэ Такайшвили, Пабло Пикассо, Роберта Делоне, Коко Шанель... Элен Дуар стала последней музой и женой Ильи Зданевича. Красивая, умная, благородная, добрая, - она сразу покорила меня. Она с большим интересом и уважением относилась к родине своего любимого мужа. Увидев мою бурную реакцию на обнаруженную в архиве тетрадь – дневник встреч Ильи с Пиросмани в 1913 г., которые многие годы считался утерянным, - Элен обещала подарить дневник и еще много других памятных вещей Музею искусств Грузии. Свое обещание эта благороднейшая женщина сдержала. Благодаря ей, мы теперь больше знаем и об Илье Зданевиче, и о Нико Пиросмани. Многим тбилисцам она запомнилась во время открытия выставки «Братья Зданевичи» в 1989 г., я же переписывалась с ней вплоть до конца ее жизни.

В парижском доме Элен Дуар я познакомилась с Бернаром Утье. Это уникальный по обширности познаний и областям работы ученый, известный в научных кругах разных стран. Филолог, лингвист, знаток редких, а также древних языков, в частности, грузинского, он постоянно, на протяжении многих лет приезжает в Грузию, публикует комментарии к древним текстам. Он остается очарован-

нем. С Котиком учились те, кто потом стали известными журналистами-международниками, учеными, политологами. В него была влюблена дочь советского государственного и партийного деятеля Алексея Косыгина, Люся (позже она вышла замуж за их друга Джери Гвишиани. Котик вспоминал, что свадебное застолье возглавлял сам Косыгин). С Котиком училась и дочь маршала Георгия Жукова, Эра. Котик обладал уникальной эрудицией, феноменальной памятью, пронизательным аналитическим умом. Он был независимым и, можно сказать, мудрым человеком. Несмотря на соблазнительные предложения работы в Москве, Котик, далеко не карьерист и не честолюбец, - вернулся в родной Тбилиси и долгие годы работал заведующим международным отделом в газете «Вечерний Тбилиси». Его публикации были известны во всем СССР. Он мечтал написать книгу о своем любимом герое Шарле де Голле (увы, в те годы это было невозможно). Котик мог давать удивительно точный анализ, предвидеть и прогнозировать политические и социальные процессы. Он очень переживал, наблюдая как образ жизни и мыслей вокруг делается все менее изящным, менее элегантным, и все более обыденным, вялым. Котик раскрыл мне неожиданный взгляд на мир, на человека, на смысл жизни, на великих мира сего - мыслителей, писателей, поэтов, философов... И, в конце концов, Котик подарил мне великое наследство – нашу дочь Альду, которая вдохновляет меня и сегодня.

Я помню многих. Майю Плисецкую (ее божественный танец в «Болеро» М.Равеля и на вечере в честь нее у С.Параджанова), Вахтанга Чабукиани в роли Отелло на премьере балета А.Мачавариани в Тбилисском театре оперы и балета в 1957 г., легенду грузинского футбола Бориса Пайчадзе, Георгия Костаки (в его доме впервые увидела шедевры русского художественного авангарда), Мераба Мамардашвили на вечерах у Ирины Каландадзе (племянницы Елены Ахвледиани), Арманда Хаммера (на выставке его коллекции в Музее искусств Грузии, когда он оставил мне свой автограф и рассказывал о своем собрании мне и моей подруге, известной грузинской тележурналистке Нане Гонгадзе), великого советского русского актера Евгения Леонова (мы сфотографировались с ним на память), Юлия Даниэля (известного советского диссидента, писателя, милейшего человека). Слушать его в диалоге с С.Параджановым можно было бесконечно. Помню Николая Двигубского, замечательного художника, известного по работе над фильмом А.Тарковского «Зеркало» и безвременно погибшего не так давно во Франции. Помню Тонино Гуэрра, которому так по душе пришлась Грузия, ее культура, кино и С.Параджанов. Не стереть из памяти многих...

Все те, кого мне посчастливилось знать, покорили меня степенью своего таланта, общей культурой, аристократизмом духа и удивительной скромностью. Они гордились своим прошлым, своими корнями, славными предками и оставались достойными их памяти. Все они жили скромно, ничего не требуя, довольствуясь малым, вопреки жизненным невзгодам и иным ценностям жизни. Сохраняя память об ушедшем, они оставались свидетелями, знатоками и ценителями яркого, уникального города Тбилиси.

Историки, путешественники, поэты, художники всех времен и народов посвящали Тбилиси блистательные эпитеты и слова в превосходной степени. Славу Тбилиси надо беречь и сохранять. Наша память может служить охранной грамотой городу.

Ирина ДЗУЦОВА

▲ С. Д.Цицишвили, Л.Потаповым и Л.Склифософским. 1973

ным грузинской культурой, историей. Мы с ним дружим четверть века и в трудные 1990-е годы он поддерживал меня, как брат сестру. Еще задолго до знакомства, я видела Бернара в документальном фильме Реваза Табукашвили. Тогда он еще был монахом (окончил духовную академию), и меня всегда удивляло его перевоплощение в ученого, фанатично преданного науке. В своем загородном доме во Франции, в Бургундии, он собрал богатейшую Кавказскую библиотеку, и здесь мы непременно беседуем с ним по-грузински.

Вспомнина других, не могу не сказать о моем покойном муже Константине Енгояне. Блестящий питомец МГИМО (второй выпуск, 1951 г.), о нем ходили едва ли не легенды в студенческой и преподавательской среде. Ему преподавали советский историк, специалист по истории Франции и российско-французским отношениям Альберт Манфред, а также знаменитый советский историк, член Академии наук СССР Евгений Тарле. Тарле однажды назвал К.Енгояна «юношей с профилем Цезаря». Котик вспоминал, как однажды Тарле принес на лекцию колпак Марата и чуть ли не со слезами на глазах рассказывал о

ЮРИЙ СВЕТЛЫЙ (1972-2013)

СТИХОТВОРЕНИЯ

Родился в Тбилиси, здесь окончил 122-ю среднюю школу. Вырос в театральной среде – его дед Гайк Сергеевич Гевенян был заместителем директора Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. На его сцене сыграл первую свою роль – маленького Бачаны в спектакле «Закон вечности» по роману Нодара Думбадзе.

Первое стихотворение написал в 1982 году. Жил в Москве, писал бардовские песни и исполнял под собственный аккомпанемент.

***

Перед зеркалом стою и вижу прошлое –
И наив и ранние желания.
Кажется, что мы с тобой заброшены
В то далекое, как сон, воспоминание,

Где так искренне, легко и беззастенчиво
Мы друг друга покрывали ласками,
Где мы ждали поездами встречными
Проходящего, как тень. И жили сказками.

В этом зеркале есть смутно различимое,
Но одно заветное желание –
Словно явь вернуть необозримое,
Но реальное, как жизнь, воспоминание.

***

Я иду шатаюсь по Тверской,
В подворотнях замирают тени.
Безнадежно заплутал в толпе людской
И опять, конечно же, не с теми.

Оторвусь по разным кабакам,
Путаясь в словах и междометиях,
С девками, что ходят по рукам,
В страсть сыграю после на рассвете я.

Осень позолотой во дворах.
Фонари выхватывают краски.
Перекресток на семи ветрах
И на нем мне ветер дарит ласки.

Закурю. И мысли поплывут.
«Никакой» пройдуся по переулкам
Мы с тобой весной встречались тут.
Сердце бьется тяжело и гулко.

Одиноко двинусь в темноту.
Растворюсь в ней под парами алкоголя.
Мерю ночи за верстой версту,
До беспамьятства, до нестерпимой боли!

***

В этот дождь я растворюсь по лужам,
В землю просочусь в изнеможеньи.
Понимаю, в общем, что не нужен –
Не по мне земные наслажденья.

Вот уже весна зазеленела
Я с листвою сольюсь последним вздохом,
Пусть она идет себе несмело,
Мне не до нее – мне просто плохо!

В магазине встретят, как родного,
На Охотном мне нальют немного виски.
Полегчает... оттого, что снова
Пью по-русски и прощаюсь по-английски.

Жалости не нужно – не достоин.
Мне с чужими легче, чем с родными.
Почему так странно я устроен?
Сложно очень с мыслями простыми?

Затуманило дорогу, закружило,
Заиграли звезды в ярком танце...
Отпусти меня – ты мной не дорожила –
Я в стране твоей сходил за иностранца!

И теперь по улицам знакомым
Пробираюсь, адресов не узнавая,
Всякий раз, встречаясь с каждым новым
Улыбаюсь, как собака завывая

От тоски, что, в общем-то, не нужен –
Сложно стало с мыслями простыми!
В этот дождь я растворюсь по лужам,
В этот день мы чуточку остыли.

Коллективы Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова и МКПС «Русский клуб» выражают глубокие соболезнования Рафаэлу Гевеняну в связи с кончиной сына, Юрия Светлого (Гевеняна).

▲ Андро Джикия

СТРОГАЯ ЧИСТОТА СТИЛЯ

Тифлис – особенный город. И чтобы стать его частью, тоже нужно быть особенным. Испокоп веков на улочках Старого города обитали ремесленники всех мастей. Так и назывались улицы – Ватный ряд, Серебряная. Здесь над золотом и серебром трудились ювелиры и чеканщики. Сюда в 1898 году пришел учиться тайнам золотых дел десятилетний мальчик, ставший впоследствии одним из самых знаменитых грузинских ювелиров.

О братьях Джикия незаслуженно мало написано. А ведь этим мастерам мы обязаны сохранением исконных грузинских златокузнеческих техник.

В 1888 году в селе Оногия, в Самегрело, родился Фома Андреевич Джикия. В десять лет, окончив начальную школу, мальчик перебрался в Тифлис и устроился подмастерьем в частную мастерскую известного филигранщика Арчила Асатиани. Спустя несколько лет к нему приехал из Оногия младший брат Амбросий, который тоже начал обучаться ювелирному мастерству.

После окончания обучения Фома открывает собственную мастерскую и начинает принимать заказы на различную утварь, в основном серебряные пояса, кинжальные ножны и винные чаши.

В первой половине прошлого века братья Джикия уже были прославленными мастерами в Тифлисе. Их мастерская располагалась на Серебряной улице. Фома продолжал традиции своего учителя Арчила Асатиани, тем самым создавая традиции тбилисской чеканки-грехилури или филигрании. Братья стали мастерами в самых сложных видах златокузнечества – гравировке, филигрании и чернении, а также перегородчатой эмали.

В 30-х годах, когда начался всплеск ремесленничества, братья активно включились в этот процесс. В 1936 году начинается новый этап в развитии декоративно-прикладного искусства, теперь уже советского.

Мастера, продолжая лучшие традиции грузинского ювелирного искусства, неизбежно увязывали их с новой тематикой – темой социалистического строительства, образами рабочих, крестьян и красноармейцев. Но одновременно в союзном масштабе начинается восстановление старинных ремесел. Грузинское правительство издало специальный указ, согласно которому при Управлении по делам искусства был создан Комбинат народного творчества. Создание подобного организационного центра позволило провести много важных мер. В частности, в 1937 году при ДOME народного творчества открылась первая большая выставка работ, всего было представлено более шестисот экспонатов. Работы братьев Джикия пользовались огромным успехом. В том же году они были отправлены в Париж, на международную выставку. Братья получили международное признание – о них писали газеты и восхищались коллеги. За Парижской выставкой последовала Лондонская, а затем – союзные и республиканские.

Впрочем, даже всеобщее признание не убергло братьев в 1937 году. По обвинению в троцкизме они были брошены в Метехскую тюрьму на два года, а затем сосланы в Йошкар-Олу. В ссылке, понятное дело, не было серебра, и Амбросий вырезал на кости. Не работать не мог. Рог с искусным орнаментом, привезенный из ссылки, до сих пор хранится в семье Джикия.

Тем временем, при ДOME народного творчества открылась экспериментальная художественная мастерская, которая впоследствии превратилась в учебный комбинат грузинского народного творчества. Принято считать, что именно там братья Джикия создали лучшие произведения. Здесь же они передавали свои навыки ученикам. Комбинат просуществовал всего 12 лет, до 1950 года. С его закрытием прекратилось и профессиональное обучение ювелирному делу. Часть

учеников начала работать на Тбилисском ювелирном заводе, открытом в 1934 году, часть объединилась в артели, а некоторые открыли частные мастерские.

С течением лет комбинат превратился в постоянную выставку, а затем и Музей современного народного творчества, который в наши дни, к сожалению, пришел в запустение.

Фома Джикия почти не работал после закрытия артели. Он скончался в 1951 году. Рассказывали, что на его похороны собрался весь город.

Амбросий после смерти брата начал работать в артели «Художник», где занимался в основном обработкой рогов для вина. Скончался Амбросий в 1957 году.

За годы работы дом братьев Джикия в Старом городе, на улице Изтима Гурджи, 6 повидал немало знаменитых гостей. Даже Радж Капур бывал здесь.

«А потом приходило ГПУ и задавало много вопросов», - смеется Андро Джикия, внук Амбросия, художник и подвижник семейных традиций.

Художественная обработка металла всегда занимала в Грузии особое место. Уникальная грузинская чеканка в средние века славилась на весь Восток. Самые известные очаги златокузнечества располагались в монастырях Хоби, Опиза, Тбети, Гелати и в горах Сванетии, Рачи и Хевсуретии. Секреты мастерства передавались от отца к сыну. Известными ювелирами были семьи Дзадзамидзе, Меунаргия, Мамулашвили, Элизбарашвили, Асатиани, Хандамашвили. Ремеслен-

ния. Национальные предметы утвари и одежды. В работах братьев Джикия виртуозно соединяются техники филигранны и чернения, различные виды чеканки.

Работы братьев хранятся в Эрмитаже, Третьяковской галерее, Музее народов Востока в Москве, в Лондоне и Париже, в Национальном музее в Тбилиси.

Известен серебряный фартук работы Амбросия Джикия, сделанный специально для танца «Джейрани», исполняемого Нино Рамишвили. Братья изготовили серию чеканок по мотивам «Витязя в тигровой шкуре». А еще был удивительный серебряный азарпеш – черпак для вина, внутри которого была рыба, и она начинала двигаться, когда наливали вино. Или позолоченный ремень филигранной работы с лазурным камнем. Пудреница-шкатулка, изготовленная из двухсот граммов чистого золота, бриллиантов и синей эмали, преподнесенная в подарок английской королеве.

К сожалению, все эти бесценные экспонаты утеряны. Много лет назад Андро удалось найти довольно много работ своих дедушек в Музее народов Востока в Москве. В семейной коллекции сохранилось ничтожно мало. Многие годы Андро Джикия делает невозможное, чтобы найти работы своих дедов, а самое главное – чтобы возродить эти уникальные техники.

«Я имею право говорить, что могу это воссоздать. Если оставить все, как есть, это уникальное мастерство умрет. Просто исчезнет», - говорит Андро.

Как считает искусствовед Русудан Джикия, исходя

▲ Амбросий Джикия

ным мастерским в разных городах Грузии в начале XIX века трудно было конкурировать с развивающимся фабричным производством, выпускающим более дешевую продукцию. В Тбилиси, главном центре ювелирного производства, работали не только грузинские, но и дагестанские, азербайджанские, армянские мастера, что способствовало развитию смешанной технике исполнения.

Эти черты чужды древнегрузинскому ювелирному искусству, отличающемуся строгой чистотой стиля. Братья Джикия всегда использовали старинную грузинскую технику, старинные орнаменты. Именно сохранение уникальных традиций и техник, братья считали самым важным в своей работе. Поэтому, наверно, они едва ли не единственные мастера прошлого века, чье творчество не подверглось западному или русскому влиянию. Все изготавливалось эксклюзивно и в единственном варианте.

Тончайшая работа. Непонятно, как человеческие руки могли выковать такую тонкую серебряную паутинку. Создается впечатление, что вся работа сделана из одной длинной нити серебра, нервушейся и нескончаемой, будь то винные чаши и кувшины, ножны или женские украше-

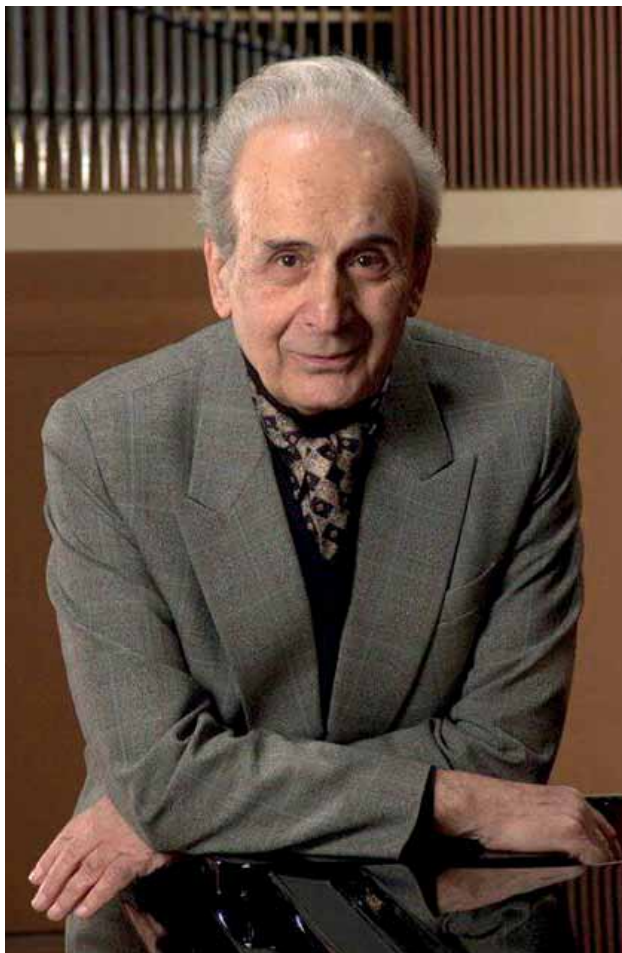

▲ Изделия братьев Джикия

из богатого национального наследия многовекового грузинского ювелирного мастерства – использования в декоре древнегрузинских орнаментальных мотивов, традиционных форм утвари, сдержанного красного решения, применения одного материала, в основном серебра, и творчески перерабатывая его, братья Джикия создали произведения органически, связанные как с прошлым, так и современным грузинским искусством.

И потерять это – невозможно.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Гизи Амирэджиби

НЕМЕРКНУЩИЙ СВЕТ ТВОРЧЕСТВА

Весть о кончине народного артиста Грузии, лауреата Государственной премии им. Руставели, профессора Тбилисской консерватории Тенгиза Амирэджиби глубоко опечалила музыкальную общественность Армении. Для меня же уход из жизни Тенгиза (Гизи) стал невозможной утратой. Из блестящего созвездия грузинских пианистов Гизи был, пожалуй, одним из самых близких мне по духу. Еще с давних времен знакомство с ним перешло в ту степень близости, которую допускали пространственная разделенность и редкие встречи. Но и при ограниченном общении мне с достаточной полнотой открылась духовная суть неповторимого артиста. Я кратко охарактеризовал бы его музыкально-личностный облик так: врожденная вельможность, аристократичность духа. Это качество его природы выражалось, в частности, в утонченности, изысканности создаваемых им музыкальных образов, в обаятельной поэтичности интерпретаций. Мне, к счастью, довелось слышать игру Гизи в живом исполнении также в Ереване, по случаю юбилея нашей консерватории. Кроме вдохновенно исполненного скерцо №2 Шопена, вос-

торг аудитории был вызван также темпераментной, яркой передачей благородного, героически-ратного духа грузинского танца «Хоруми».

Мое недостаточное приобщение к живому исполнительскому искусству Гизи было компенсировано целой серией дисков, которые он любезно подарил мне. Мы с наслаждением прослушали все записи в кругу нашей семьи. Помню, как он деликатно предупреждал, что некоторые из них были сделаны в период его тяжелого недомогания. После прослушивания я позвонил Гизи, поблагодарил и сказал: «Теперь так не играют». Этими словами я как бы выразил сожаление о том, что столь утонченная душевность, искренность и благородная элитарность искусства постепенно сходят с исторической арены, становясь чуждыми нашей действительности.

Поэтичная сущность артиста Гизи Амирэджиби проявлялась также в его педагогике. Будучи председателем госкомиссии выпускных экзаменов Тбилисской консерватории, я с интересом замечал реакцию Гизи на исполнение студентов. Высказывания его были, если можно так сказать, одухотворенно-афористичными. Как-то по поводу «шелестящих» фигураций в конце соль-минорной сонаты Шумана он взволнованно заметил: «Это словно рой звезд». В другой раз, после неудачного исполнения студентом, он сказал кратко: «Разговор не состоялся».

Гизи Амирэджиби был педагог, как говорится, от Бога. Его педагогика была замечательной не только в силу талантливости, но и по острой душевной привязанности к любимому делу и неустанной заботе о музыкальном росте своих питомцев. Мне также помнится, как на последнем (под моим председательством) госэкзамене Гизи перед выступлением своей студентки «открылся» мне в том, что работая с ней он не питал особой надежды добиться желаемого результата. Успокоив его, я стал внимательно слушать, и чем дальше, тем больше поражался самообытной проникновенности ее игры. Если не подводит память, она исполняла си-минорную сонату Шопена. Я от души поздравил Гизи за необычно высокое педагогическое достижение.

Должен отметить, что Тенгиз Амирэджиби был одним из тех выдающихся пианистов, в творчестве которых ярко очерчивалось величие грузинской фортепианной школы. И примечательно, что лучшие черты этой школы в его исполнительстве и педагогике нашли ярчайшее индивидуальное воплощение.

Несколько слов о личности. Гизи, если он принимал тебя в свой круг, бывал на редкость обаятельным. Но входить в его круг общения было возможно, если отношения строились по его принципу «приоритетности достоинства». Изысканный внутренне и внешне, он одновременно был душевным, простым и доступным для тех, кто придерживался уже упомянутого принципа. В этом смысле мне повезло. Как-то, знакомя меня с одной дамой, он представил меня: «Это мой духовный двойник».

Если бы мне довелось навсегда попрощаться с моим музыкальным другом, я бы обратился к нему с такими словами: «Дорогой Гизи, ты одарил нас неувядаемой красотой своего искусства. Мы все, в том числе и армянские музыканты, будем бережно хранить драгоценную память о тебе».

ВИЛЛИ САРКИСЯН

Пианист, заслуженный артист Республики Армения, профессор Ереванской консерватории

ჩხაიძის ჩხავერი

მუხრანის ჩინური

კახური მუსკატი

სვინის ციცქა

ცაბერის ცოლიკაური

პრემიუმ კლასის
იზვიათი ქართული
ღვინის კოლექცია

2012

Special collection of
Premium Quality
Georgian Wine

კახური ტრადიციული მეღვინეობა

www.ktw.ge

1512-2972